

АРХИМАНДРИТА ИОАННА
(КРЕСТЬЯНКИНА)

Смирнова Т. С.

Воспоминание
о Промысле Божиим,
милующем нас
непонимающих
Его любви

Свято-Успенский
Псково-Печерский монастырь
2016

УДК 271.22-36(093.3)
ББК 86.372.24-3ю14
П53

*По благословию Высокопреосвященнейшего Евсевия,
митрополита Псковского и Порховского,
Свято-Успенской Псково-Печерской обители
священноархимандрита*

*Одобрено Издательским советом Русской православной церкви
ИС Р16-520-0922*

П53 **Воспоминание о Промысле Божиим, милующем нас непонимающих Его любви**
– Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2016.
– 440 с.
ISBN 978-5-00077-338-3

Эта книга посвящена светлой памяти архимандрита Иоанна (Крестьянкина), старца и духовника Свято-Успенской Псково-Печерской обители.

Богу было угодно, чтобы на многие годы помощником, письмоводителем и келейницей о. Иоанна стала Татьяна Сергеевна Смирнова — автор воспоминаний, собранных в этой книге. Познакомившись с батюшкой в далеком 1969 году, она до самой кончины старца была одной из ближайших его духовных чад. В силу выпавшего ей послушания, неотступно пребывая с батюшкой, ей часто были доступны стороны жизни о. Иоанна, сокрытые от других людей.

Читая эти воспоминания, мы становимся свидетелями не только ранее неизвестных страниц жизни о. Иоанна, но и того, как Промысел Божий невидимо, неотступно и благодатно присутствует в нашей жизни.

УДК 271.22-36(093.3)
ББК 86.372.24-3ю14

ISBN 978-5-00077-338-3 © Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2015

Содержание

Промысл Божий прав всегда Смирнова Т. С.	11
Явление милости Божией	13
Паломничество в Псково-Печерский монастырь и встреча с отцом Иоанном	16
Сила власти Промысла Божия. Сомнение и вера	18
Первые опыты на пути духовных познаний о самости и послушании	24
Новый этап жизни. «Жить Вам в Печорах. Так благословил Господь!»	65
«Детка, добродетель не груша, сразу не съешь». Начало монастырской жизни	71
Борьба за выживание	80
Письмоводительство	94
Келейница – время вынужденного самоотречения	106

Время смущения, смятения и неразберихи	112
Покорность велениям Божиим	118
«Живой Бог, живая природа»	127
О духовничестве отца Иоанна	134
Человеческая верность Богу созидает всю нашу последующую жизнь	160
Умение слушать, слышать и слушаться	165
Господь мог бы и хотел спасти нас без скорбей, да мы-то без них спастись не умеем	171
Некоторые особенности духовнических отношений отца Иоанна	173
О поездках по святым местам	178
«Где моя былая удаль?»	184
Записи из дневника о последних годах жизни отца Иоанна	189
С 30 на 31 декабря, ночью, в 3 часа 30 минут	203

Смирнова Татьяна Сергеевна. 1991

Промысл Божий прав всегда

*Миром правит Господь. И воля Божия царит
над Вселенной, и Бог ни с кем не советуется
и никому ответа не дает.*

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

Очень долго я сомневалась в том, стоит ли обнародовать мои воспоминания о прожитом. Хотя они то и дело оживают в сознании. И сама я часто возвращаюсь в прошлое, оно освещает и даже руководит моей теперешней жизнью. Но как же тягостно сознавать, что в то время, когда всемогущая милостивая рука Божия творит нашу жизнь, мы не обращаем осмысленного внимания на это творчество, своеволием усиленно сопротивляясь ему. Воспоминания же зримо подтверждают для меня нерушимость высказывания отца Иоанна, что только

Промысл Божий властен во всем мире и в жизни каждого человека. Оглядываясь назад, теперь я не сомневаюсь, что этот Божий руководитель был в моей жизни и до того, как я начала это понимать. Но Господь с младенцами бережно осторожен и деликатен во весь период, пока они еще только играют в жизнь. Кстати, *«играть в жизнь»* – это выражение отца Иоанна, которое я часто слышала от него.

Я заигралась надолго. Главным руководителем моим было мое *«Я»*. *«Я хочу, мне интересно, мне нравится»*. Никакого насилия над собой мое *«Я»* категорически не признавало. Да что насилие, оно даже свое же здоровое суждение частенько отвергало. Все подчинялось этому тирану, всемогущему и безрассудному *«Я»*. Необузданность молодости и веселие несли меня по жизни, начиная с окончания школы: художественное училище, странствия по России с рюкзаком и этюдником, очарование Кавказом. Волнение мамы в счет не шло.

Явление милости Божией

В 1969 году, к моменту окончания Строгановки и перед вступлением в самостоятельную жизнь, неопределенность будущего начала нарушать мое душевное равновесие. А главное: расставание с Церковью, которая вошла в жизнь и согрела мою душу в Москве.

Ощутимый переворот мировоззрения произошел в 1966 году, когда я первый раз прочитала Святое Евангелие. Летом я поехала на могилку моего дедушки протодиакона Евлампия, который за несколько лет до описываемых событий служил в Никольской церкви города Касимова. Не забыть той особенной ночи, когда я на веранде маленького домика старой монахини со свечой начала чтение. Свеча скоро не потребовалась, страшная, за всю жизнь мою единожды только и виданная, гроза накрыла Касимов. Небо раскалывалось от грозного грохота разбушевавшейся стихии. Молнии, одна за другой, не

успев погаснуть, вспыхивали без перерывов, поглощая ночную тьму. Под апокалиптический аккомпанемент высвечивалась для меня благая весть о любви Божией к человечеству. Само небо освещало вечные слова Вечной Книги.

За ночь я прочитала все четыре Евангелия, и они буквально перевернули мое сознание. Прошлое вдруг сразу измельчало и как бы соскользнуло в небытие, освещенное светом неведомой доселе великой вечной Божественной Истины. А через несколько месяцев после моего отъезда в Никольскую церковь Касимова был назначен новый настоятель, протоиерей отец Иоанн Крестьянкин. Прослужил он в ней только год, после чего начал свой монашеский сорокалетний путь в Псково-Печерском монастыре. Таков был Промысл Божий.

Близкие, которым мое бродяжничество по просторам и горам Руси-матушки доставляло немало переживаний, были неприятно удивлены моим новым увлечением религией. Основная тема писем ко мне из дома – о понятных для моих родных житейских делах, а то, что теперь совершалось в моей жизни, было им непонятно, и неведение пугало: *«Ну что тебе не живет, как живут все нормальные люди? Куда тебя все время несет: то в горы, а теперь еще и в церковь?»* Себя они успокаивали тем, что и этот интерес окажется временной блажью, и с окончанием учебы эта *«болезнь»* минует.

Вспоминаю первые годы моей церковной жизни и оплакиваю их слезами благодарности к Богу. Тогда я была в Церкви как иностранка, не понимая ни языка, ни обычаев этой удивительной страны. Но сердце! Оно и по сие время помнит, что значит слышать сердцем. Года через два я *«поумнела»*, но с этим начало глохнуть сердце. А то состояние – первое каса-

1983

ние души нездешнего и тогда неведомого мира – незабываемо. Дар Божий! Не помнить уже невозможно, но и вернуть тоже. Остается только, понутив главу, вздохнуть: *«Боже, милостив буди мне, грешной!»*.

Последние месяцы в институте. Диплом почти готов. Последняя Страстная седмица в Москве в церкви Успения в Гончарах, что на Таганке. Опять ожило сердце, горестно прощаясь со всем пережитым, что теперь уходило в небытие. Великий пяток у плащаницы Спасителя! Не могу словами выразить состояние души. Я оставалась в Церкви до конца, пока не схлынул народ. Подходила прикладываться, когда Господу было уже все высказано, все выплакано пред Ним. И только безмолвный вопль звучал в сердце: *«Я же погибну! Не оставь меня в моей неустроенности!»*

И как я думаю теперь, все остальное в моей жизни стало ответом на этот горестный вопль и порыв сердца к Богу. Через тридцать дней Господь ответил мне, вручив пастырю – водителю по жизни.

Паломничество в Псково- Печерский монастырь и встреча с отцом Иоанном

9 мая 1969 года, в воскресный день недели преполовения Пасхи Христовой, я впервые вошла в монастырские врата. Радость сновала по монастырю солнечным светом, весенними ароматами, пасхальным звоном устремлялась к небу. В Сретенском храме посередине стоял гроб и почему-то тоже участвовал во всеобщей радости. Позднее мне сказали, что проводжали в путь всея земли последнего валаамского старца Николая Монахова. На амвоне возвышался архиерей, произнося надгробное слово. Я попыталась вслушаться в его речь, но не могла понять смысла и только отчетливо слышала многократно повторяемые слова: *«Сей день его же сотвори Господь,*

возрадуемся и возвеселимся в онь». Через какое-то краткое время опять повторялся *«сей день»* и призыв к радости. Моему высокомерию от его речи стало не до радости. Раздражение на проповедника погасило ощущение праздника. А архиерей в розовом, кисельного цвета облачении, усеянном блестками, напоминал большой бисквитный торт, и это стало последней каплей. Не дожидаясь окончания отпевания, я вылетела из храма. Стоя около Успенского собора, издали наблюдала, как занесли гроб в пещеры, как чуть позднее строем чинно, выйдя из пещер, прошли монахи во главе с архиереем. Пасхальный колокольный звон, смыв раздражение, вернул душе радость.

На следующий день служба была в Успенском храме, и ощущение, что ты в ином мире, еще глубже пронизывало все существо. Новое понятие пришло в сознание и определилось конкретным словом «благоговение». Мерцание лампад у икон, изредка таинственно тихое явление монашеской фигуры; стройное, где-то вдали звучащее пение. После службы, слушая звон и наблюдая за всем происходящим, я увидела, как из храма буквально выкатилась толпа и направилась через площадь. Неожиданно шествие приостановилось, и от него, легкой, скользящей походкой по направлению ко мне пошел монах. Подойдя вплотную и глянув на меня добрыми глазами, он произнес: *«А я ведь тоже Христова невеста!»* Я не помню своих чувств в тот момент, но то, что ответила, врезалось в сознание: *«Ну, Вы-то Христова невеста, а мне-то какое дело!»* Так произошла моя встреча с отцом Иоанном Крестьянкиным.

Сила власти Промысла Божия. Сомнение и вера

Не обратив никакого внимания на грубость ответа, отец Иоанн задал несколько вопросов. Выяснив, что я художница и сегодня же уезжаю, пригласил меня подойти к нему вечером, в пять часов, к входу в братский корпус. Не знаю, пошла бы я тогда на эту встречу, если бы предвидела ее последствия? Ибо много самых разнообразных переживаний внесла она в мою жизнь, и на первых порах больше тягостных.

Но знакомство наше состоялось. Беседа была недолгой, рядом с комнаткой, куда ввел меня отец Иоанн, его еще ждали и другие посетители. Узнав, что я заканчиваю художественный вуз, батюшка заявил, что в миру художников много, а Церкви они нужнее, и мне хорошо бы стать реставратором. *«Реставрация – это ведь оказание помощи пленным ико-*

нам», – произнес он. В отношении предстоящего распределения на работу он решительно сказал: «Будем проситься в реставрацию, а пожить надо бы дома с родными».

На все его предложения не последовало от меня ни возражений, ни согласия. Осмыслить сказанное не было времени. Я была ошеломлена манерой общения отца Иоанна, батюшка разговаривал так, будто не он сам, но мы вместе, что-то обсуждая, принимаем решение. Помазав меня святым елеем, он достал из мешочка просвору и вручил ее мне со словами: *«Смотри – точенькая, тут и ты, и все твои близкие уже есть».* На том мы и распрощались.

Самые противоречивые впечатления и думы заняли мою душу на долгое время. Институтская жизнь шла своей чередой, но *«Нечто»*, вторгшееся в нее извне, стало проявляться. На комиссии по распределению я робко заикнулась о желании работать в реставрации. И услышала от преподавателей: *«Ты что, с ума сошла? Какой ты реставратор, ты по природе художник!»* В отличие от отца Иоанна, члены комиссии увлеклись желанием настоять на своем, и это решило дело в пользу батюшкиного благословения.

Я ничего не могла сказать в защиту своего выбора, но мое природное упрямство сделало свое дело, и распределение в реставрацию было получено. Но направление на работу мне дали не в Ярославль, куда благословил жить отец Иоанн, а во Владимир. И в душе, готовой поверить в батюшку, удовлетворенно зажило сомнение. Тем более что жить с родными мне совсем не хотелось. Мысль, продиктованная обстоятельствами, *«мало ли кто чего говорит, была просто интересная человеческая встреча, а значит, совсем не обязательно*

Первое паломничество в монастырь. 1969

придерживаться полученных советов», властно вошла в сознание.

Благополучно защитив диплом (делала серию гобеленов для Интуриста в Суздаль), я поехала в родной город. Месяц беззаботного отдыха подходил к концу, и к моменту отъезда во Владимир безотчетное томление духа испортило жизнь. Воспоминания о разговоре с отцом Иоанном конкретно указывали на причины беспокойства. Чтобы умирить совесть, я пошла в Ярославскую реставрационную мастерскую. Радости не было предела, когда там в работе мне отказали. Теперь доверие к батюшке рухнуло полностью и на законном основании. Я отправилась по распределению во Владимир. Но здесь меня ждала неожиданность. Сославшись на то, что заявку в институт Владимирская мастерская подавала за два года до моего окончания учебы и не могла ждать работника столь долгий срок, меня на работу не взяли.

Отец Иоанн. 1970

Что же делать дальше? Мелькнувшая было мысль о поездке в Печоры была с сердцем отвергнута. Самостоятельно же решать вопрос о дальнейшем устройстве стало страшновато. Но опять на вопль к Богу пришел ответ, вернувший на путь, намеченный Промыслом Божиим. В церкви после литургии, подходя к кресту, я задала свой вопрос незнакомому священнику. Буквально в нескольких словах объяснила ситуацию о возможности работы в Ярославле – театр, художественное училище, фонд, несостоявшаяся реставрационная мастерская.

Среди паломниц. 1970

Священник решительно благословил опять идти в реставрацию. Каково же было мое удивление, когда в тот же день меня оформили художником-реставратором, хотя за месяц до того мне было отказано.

Так все, благословенное отцом Иоанном, претворилось в действительность. Началась жизнь под руководством. Но сколько раз потом хотелось разорвать эти узы то по собственной воле, а то и по наущению вражью. Сколько раз доверие подвергалось ревизии, червь сомнения мучил, подтачивая слабую веру, пока, наконец, сама жизнь не оправдывала и не защищала реальную правду слов отца Иоанна. А меня, готовую заблудиться в лабиринтах соблазнов жизни, зоркий Промысл Божий обстоятельствами всякий раз возвращал на намеченный Им путь.

На панихиду в пещеры

Первые опыты на пути духовных познаний о самости и послушании

Двенадцать лет я прожила в Ярославле дома с родными. Теперь осмысливаю это время, как жизнь за послушание. Испытания, которыми заранее пугали помыслы, пришлось пройти практически, и они не были легкими и были гораздо разнообразнее, чем предполагалось. Удивительно, в руководстве духовника я никогда не чувствовала стеснения для своей души. Но зато обстоятельства жизни бывали бесцеремонны, не считаясь с моим хотением, буквально проявляли насилие. Они требовали совершенно нового восприятия всего происходящего вокруг, терпения; но главное – бежать от них было невозможно, так они складывались.

Три серьезные трудности на этом пути послушания обозначились с первых дней. Профессия реставратора восстала на

художническую натуру. Имея весьма поверхностное представление о реставрации, я не предполагала той существенной ломки, которую необходимо претерпеть. Душа затосковала по свободе, по чувствительным радостям творчества, я любила живопись. Привыкание к работе реставратора шло тяжело, в слезах, в тягостном томлении духа и сердечной туге. Я оплакивала погибающего в себе художника, свое согласие на реставрацию, я начала понимать предупреждения институтских педагогов. И виновником таких серьезных страданий стал отец Иоанн. Сколько раз воздвигались на отца Иоанна мысленные упреки, сколько было сделано попыток вернуться к радостям прошлой жизни!

Первый раз после знакомства с отцом Иоанном я поехала в Печору только через год. Увидев меня в окружившей его толпе, он буквально воскликнул: *«Танечка, как я рад, что ты приехала!»* Никто в жизни ни до, ни после мне не радовался так, как радовался батюшка в тот мой приезд. Думается, что этот год был критическим, в сердце происходила жестокая борьба, на весах лежало будущее моей души, и я могла бы еще сама сделать выбор. А духовник отец Иоанн Крестьянкин выманивал меня, но было неясно, не возобладает ли тяга к привычному прошлому. Год его трудов и молитвенной памяти дал наконец результат: человек не потерялся, а вернулся к источнику, из которого получил живое ощущение близости Божией к себе. Двенадцать лет я ежегодно проводила свой отпуск в монастыре, и когда выдавалось несколько дней, свободных от работы, я опять ехала в Печору. Странствия по горам Кавказа и долам России были забыты. Печоры стали таким магнитом, сопротивляться которому было невозможно.

В эти приезды отец Иоанн как-то неприметно закладывал во мне фундамент христианского мышления о жизни, на котором должен был впоследствии созидаться дом души. Разговоры касались буквально всего: и молитвенного правила, которое должно было выполняться неукоснительно, даже и вопреки нежеланию; постоянного чтения одной главы Евангелия и двух глав Апостола. Начав заповеданное чтение, я скоро поняла, что читаю слова, не проникая в суть Божественного Писания, ползаю по поверхности, как назойливая муха. В сердцах надолго бросала чтение, а начиная опять наталкивалась на непроницаемую завесу. И опять по приезду в Печору – вопль к отцу Иоанну. В ответ услышала притчу: «Два чистых сосуда стоят рядом, но через один из них постоянно струится вода, а другой стоит себе и стоит. Как ты думаешь, который будет чистым? Так и с чтением Евангелия: даже внешнее обращение к нему будет делать свое дело, а придет время, и Господь вознаградит за постоянство в труде пониманием». Со временем я опытно узнала то, о чем говорил отец Иоанн. Частенько напоминал отец Иоанн и об отношении к работе как послушанию Богу; говорил даже и об умении обращаться с деньгами. Начав работать, я впервые получила в руки реальные деньги, а не их видимость – 15 рублей стипендии. Растеряться было от чего, я не знала, куда и как эти деньги пристроить. Батюшка сделал это с необычайной легкостью, сказав: «Запомни это на всю жизнь, чтобы в душу не прокралась мамона: одну треть оставляешь на свои нужды, одну треть жертвуешь нуждающимся, и одну треть отдаешь Церкви». Так он ограждал мою жизнь от хаоса, царившего в душе. «Кто художеством, кто музыкой, кто умствен-

ной работой, но все должны двигаться к Богу. У Бога нет обездоленных, и каждому дарованы – кому способности, а кому даже и таланты. Не нам, не нам, Господи, но имени Твоему даждь славу! А главное, благодари Бога всегда и за все, человек с благодарным сердцем никогда и ни в чем не нуждается».

Первые годы моего обустройства в Ярославле были особенно трудными. Но отец Иоанн тогда следил за всем происходящим во мне и вокруг меня. В один из критических моментов он прислал мне письмо – программу жизни, которое храню и по сей день.

»Дорогая Татьяна! В жизни все будет просто и легко, если ты раз и навсегда решишь все делать для Бога и во славу Божию. Все станет сразу на свое место и в душе, и в восприятии жизни. Не рассчитывай устраивать свое благополучие по своему разумению, трудись пока ради Бога, где сейчас пришел Господь, а придет время, будешь работать только в церкви или, еще лучше, в монастыре. Пользуйся моментом, набирайся опыта и знаний. Но помни, что везде много огорчений и разочарований, так как люди везде остаются людьми со всеми своими "за" и "против"».

Тогда я не поняла и не приняла сердцем написанное. Барышне-художнице отец Иоанн писал о монастыре, который когда-то нарисуеться в ее жизни. «Какой еще монастырь? для кого?» Сердце яростно бунтовало и противилось. Даже мысли о том, чтобы самовластно прекратить эти кажущиеся нестерпимыми муки, приходили в голову. Эти крамольные мысли были тайной моего сердца, но не ускользали от батюшки.

»Деточка, реши эже эжить и работатъ ради Бога и не отступай, не сдавайся. Только тогда будет все спокойно и не будет пригим "конца". Жизнь наша прекрасна, и Бог все устраивает в ней к лучшему и счастливому для нас! Думать о "конце" большой грех. Скорее покаяйся и старайся не думать об этом. Ограждай себя крестным знаменцем, как только подступит этот лукавый полчище. Читай сразу Билвол веры, призывай Богородицу, верги и повторяй 24 вечерние молитовки Иоанна Златоуста, зови на помощь Святого Духа "Царю Небесный..." И все твои "концы" отлетят тотчас, не беседуя с ними, а сразу прекращая молитвы. Молитвы, вначале даэже и несовершенные, сделают свое дело. Не ты, не ты, но имя Господа Иисуса Христа! Твое эже дело только просить, войти, стучать в дверь помощи Божией».

Только через двенадцать лет, когда батюшка задал мне вопрос: «А ты хочешь жить в Печорах?» – мне стало понятно его письмо, где он говорил о монастыре.

В письмах отца Иоанна, приходящих в первые годы, было много практических советов, которые несколько облегчали сиюминутные тяготы. Вопреки благословию отца Иоанна я не устояла перед соблазном участвовать своими работами в выставке, посвященной столетию Ленина. Заявка на участие в творческой жизни была сделана. Работы, взятые из института, прошли конкурс и уехали в Ульяновск. Автора и работы показали сначала по местному телевидению, а потом и по центральному. Все начиналось радужно и многообеща-

Митрополит Иоанн (Вендланд). 1970

юще. Но выставка закончилась, а работы не возвращались. Дорогостоящие гобелены авторской работы с выставки похитили. Институт требовал компенсацию, у меня таких денег не было. Представители художественного фонда меня избегали, пришлось передавать дело в суд, который и снял с меня ответственность, решая вопрос оплаты гобеленов с представителями фонда. Я облегченно вздохнула, но урок не прошел даром. Больше у меня не возникало желания ни участвовать в выставках, ни общаться с художниками. Так Промысл Божий учил ослушницу.

Вторым и еще более суровым испытанием в первые годы жизни в Ярославле стала моя полная изоляция от привычного с юности общества. Волею Божией на весь ярославский период своей жизни я стала одной из «бабушек» ярославского архиерея владыки Иоанна Вендланда, где мои интересы во внимание не могли приниматься. Архиерей заинтересовался появившейся в церкви художницей и пригласил посетить его. Первая встреча меня очаровала. Сам творческая натура, владыка любил запечатлеть прекрасное мгновение, трогавшее душу. Геолог, художник, необыкновенной простоты и обаяния человек, он водил меня по своему дому, приоткрывая богатство любви своего сердца к Богу и всякому Его творению. Показывая коллекции камней, он, не упоминая Бога, говорил о Нем. Рисунки и акварели владыки, развешанные повсюду, тоже вещали о любви. Человек умел любоваться всяким проявлением жизни, то, что не трогало профессионала-художника, в нем порождало умиление и преклонение перед Творцом, и это было очевидно. Прощаясь, владыка произнес: *«Танечка, пожалуйста, хоть раз в неделю навещайте нас»*.

Так, сама того не подозревая, я входила в неведомый доселе образ жизни. Но не сразу покорила его моя беспокойная натура. Интерес к новому обществу постепенно стал уступать место тоске по привычным для меня занятиям, по свободе, по друзьям. Я пропустила несколько недель кряду. И однажды в теплый летний вечер я услышала мамин возглас: *«Танюшка, а ведь к нам архиерей идет!»* Перед окнами остановилась машина, и от нее к нашему дому шел архиерей. Благословив меня и маму, он посетовал, что я так давно не появлялась, и назначил время моего визита к нему. Впоследствии владыка

никогда не забывал напомнить о дне, когда меня будут ждать в его доме. Практически мои посещения стали ежедневными.

И еще один прием подсказало владыке его педагогическое прошлое. Во время очередного визита предо мной появилась замечательная икона XVII века «Введение во храм Пресвятой Богородицы», требующая реставрации. Профессиональный интерес во мне сработал. Обследовав икону, я вопросительно глянула на владыку. *«Да-да, это моя просьба к Вам»*, – ответил он на незадаанный мной вопрос. Но когда я попросила отвезти икону к себе домой, то услышала категорический отказ: *«Нет-нет, Танечка, все делайте здесь, мы оборудуем Вам рабочее место, я хочу видеть, как оживают древние иконы»*.

Работая над иконой, а это процесс долгий, я стала привыкать к новому образу жизни. Владыка все время был рядом: то читал что-то интересное нам вслух, то рассказывал эпизоды из своей богатой событиями духовной жизни. Иногда предлагал отложить работу, чтобы отправиться с ним в путешествие по местам, где проходило его служение. Ставился проектор, доставались коробки со слайдами, сделанными самим владыкой. Он и комментировал эти путешествия, воскрешая в памяти давно пережитое, виденное и слышанное. Средняя Азия, Ташкент, Переславль-Залесский, Германия, Америка, Индия, Ближний Восток – Дамаск, заповедные парки и сады, водопады, диковинные растения, чем так богат Божий мир, – все это мы видели его глазами и в дополнение воспринимали его чувствами. Мы – это *«бабушки моего высокопреосвященства»*, как называл архиерей старицу, учившую его в молодости петь, домашнего доктора и меня, прибывшую к ним.

Вечернее молитвенное правило завершало каждый день. Однажды после чаепития владыка протянул мне молитвослов со словами: *«Сегодня Ваша черед читать вечерние молитвы»*. От неожиданности и волнения я зачитала очень низко, но твердо. По окончании архиерейское одобрение выразилось словами: *«Смотрите-ка, читает, как заправская матушеница!»* С тех пор чтение правила в архиерейском доме стало моим постоянным послушанием. Вместе с владыкой в его домовую церковь, освященной в честь святителя Иннокентия Московского, читали каноны. Неопустительно каждую неделю читались три полуночницы: в среду – вседневная, субботу и воскресную – в свое время. Я стала псаломщицей в домовую церковь архиерейского дома. В одиннадцать часов вечера, благословляя домой, владыка приговаривал: *«Ночное правило “бабушкам” – один поклон во всю кровать»*.

Отношение владыки к людям было поразительным. Для него при общении не было ни сословных, ни образовательных, ни духовных границ и преград. За любой человеческой оболочкой он видел образ Божий, как бы ни был он искажен грехом. Около архиерейского дома частенько группами и поодиночке прогуливались люди, заплутавшие на жизненных стезях. Было очевидно, что их влекла к нему не столько корысть, сколько желание почувствовать в себе человеческое достоинство. Дом владыки был окружен легкой сквозной решеткой забора, но он никогда не позволял себе разговаривать через него. Только почтительно выйдя за калитку, начинал беседу. Иногда разговор кончался тем, что, прощаясь, архиерей старался неприметно вложить в руку собеседника лепточку. На трезвые возражения домочадцев против такой

милостыни владыка неизменно возражал, что, конечно, они еще долго будут попивать, но ведь и кусок хлеба им необходим, *«и, видит Бог, что я даю именно на хлеб»*.

Душевного тепла и внимания владыки хватало на всех, кто встречался ему на жизненном пути. Не забыть его пасхальных служб. Владыка любил продолжить церковное торжество еще и общим розговеньем. И это были пасхальные Агапы. И дело было не в обилии праздничных снедей, наоборот, кроме куличей и желтенькой кукурузной каши, на столе ничего не было. Владыка же, извиняясь за скудость стола, говорил: *«Неделя-то какая, всем надо непременно быть за службами, и поварихе тоже»*. А атмосфера праздника за таким столом обретала особый духовный характер. За двенадцать лет пребывания в архиерейском доме и общения с владыкой Иоанном я пронюхала и поняла, как этот ученый муж и духовный человек вводил и жизнь, и науку под освящение Божией Благодати.

Общий момент в духовном руководстве, как архиерея, так и отца Иоанна, позднее открылся для меня. Их замечания, даже и по самым незначительным поводам, проецировались на всю дальнейшую жизнь. Так, однажды, читая малое повечерие, я ошиблась в ударении в слове *«всеношное»*, владыка невозмутимо поправил меня. Но когда через некоторое время я повторила эту ошибку, он буквально припечатал меня словами: *«Танечка, в одном месте дважды ошибаться нельзя!»* А слова отца Иоанна: *«Вся наша духовная жизнь состоит в истончении души. Наша грудь – живой аналойчик, на котором всегда должен лежать крест, – он наша броня»*, – оживают во мне при многих жизненных ситуациях и по сию пору.

О моем пребывании в архиерейском доме в одном из

писем ко мне батюшка написал: *«В разговоре с Владыкой акцентируй внимание на посильности послушания, на условиях мира со всеми. Монах уходит от мира и тогда оставляет всех – родных, близких. А ты еще не монахиня. Надо считаться со всеми, с родными и с окружающими, чтобы не было нареканий, чтобы не было соблазна и клеветы. Владыка хочет полностью посвятить тебя церкви и приучает к монашеству».*

Батюшкино письмо пришло вовремя. У родных против моего образа жизни росло раздражение. Дома я появлялась поздно вечером, когда все уже отходили ко сну, утром уходила, когда все еще спали. Их неудовольствие выплескивалось в выговорах или в многодневном молчании. А через некоторое время батюшкино предположение о монашестве озвучил и сам архиерей. Одновременно он сделал всем троим *«бабушкам»* предложение принять монашеский постриг. Я срочно написала письмо в Печоры и вскоре же получила ответ: *«Деточка, тебе придется делать выбор самой. Если тебя пострижет Владыка Иоанн, то ты переходишь под его руководство»*, – писал отец Иоанн. Все было понятно, постриг состоялся над двоими из трех *«бабушек»*, но это не легло тенью на отношение ко мне владыки.

Напряженность обстановки вокруг меня почувствовал не только отец Иоанн, но и архиерей. Однажды, глядя мне в глаза, что обозначило важность момента, он произнес: *«Таня! А Вы скажите своим близким, что им надо привыкать, что Вас нет дома. Вы с ними жить не будете»*. Это было сказано за пять лет до того, как я навсегда покинула отчий дом и родной город. Сказано тогда, когда о таких изменениях в моей

Мама. 1979

жизни дум еще не было.

Третьим и тоже нелегким испытанием в ярославский период жизни были отношения с родными. Мне постоянно напоминали, чтобы жила как все. Сразу по водворении в семью я получила предупреждение, чтобы ни о каких постах и постных днях не заикалась. А за пять лет моего пребывания в Москве постовые ограничения стали желанными, внося в сердце чувство общности со всей церковью. Дома началось

противостояние, которое, слава Богу, продержалось недолго. Мое упрямство, а главное, моя постная стряпня победили. Без дальнейшего выяснения отношений к постам скоро все признали законным вкусное меню среды и пятницы, а затем плавно вошли и в более длительные посты. Конечно, на некоторое время мне пришлось быть кухаркой, но результат говорил сам за себя.

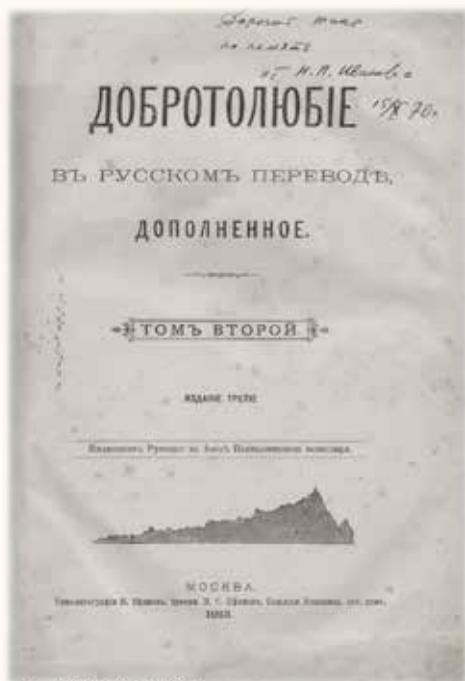
Следующим камнем преткновения стало мое «частое», как казалось домашним, посещение храма. *«Что с тобой случилось? Нельзя же ограничивать себя такими куцыми интересами?»* Телевизор, к которому у меня не было привычки, тоже стал провокатором к ссорам. *«Оставь свои катехизисы (так называлось любое мое чтение), смотри, какая замечательная передача».* Моя умная и сердечная мамочка страдала от непонимания причин моей неустроенности. *«Ну хоть на один день выйди замуж, не обсевок же ты какой, от людей неудобно!»* То, что я, начиная с учебы в художественном училище, была постоянно в кругу ребят, особенно ярко проявилось во время работы в реставрации, я была одна среди десяти парней. Ну, кто мог тогда подумать, что это есть дело Промысла Божия, готовящего девчонку для мужского монастыря.

Шло время, и многое в отношениях менялось. Хотя каждый мой шаг на служение в церкви сопровождался долгими, неприятными для меня разговорами. Когда по благословению отца Иоанна я встала на клирос, на меня обрушился поток нелестных комплиментов: *«выскачка, ишь какая певчая, каркаешь, как ворона, каноны читаешь, как передовицу в центральной газете».* Мне трудно оценить, была ли во

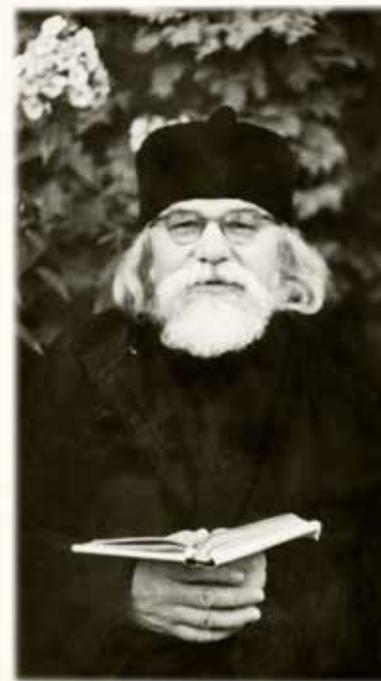
всем этом доля правды, но однажды, когда канон читала не я, возмущению домашних не было границ. Оказалось, что чтение без смысла и понятия их уже не устраивало. Так, за двенадцать лет нашей совместной жизни старшие вполне воцерковились. Очевидно, это и была главная цель, ради которой мне надо было пожить дома. Да и кто, кроме домашних, с такой дерзостью смог бы отшкуривать мою самость, от кого бы я это потерпела? Но одно лишь для родных оставалось неизменным за эти годы и до конца – это их ревность к Печорам.

Жизнь постепенно налаживалась, подпитываясь поездками в монастырь, я почти перестала роптать, реже приступал и дух уныния. А владыка всякий раз, когда я объявляла ему о своем отъезде, задавал мне один и тот же вопрос: *«Танечка, зачем Вы едете в Печоры, там же мужской монастырь, что Вам там делать?»* Владыку я не посвящала в свою внутреннюю жизнь, а он, будучи лично знаком с отцом Иоанном, не подозревал, что я езжу к нему как к своему духовнику.

В 1970 году в доме владыки неожиданно я получила подарок – книгу дореволюционного издания, второй том Добротолубия, от которого у меня заблестели глаза. С восторгом я приняла ее как руководство к действию. Но, слава Богу, недолго пользовалась ее советами без присмотра. В очередной приезд в Печоры никаких других столь сильных впечатлений, как от появления этой книги, у меня не оказалось. Но я увидела неподдельную тревогу батюшки от разговора со мной. *«Нет-нет, все, что тебе надо, я дам тебе сам. Читать будем непременно, но начнем не с Добротолубия, а с классиков русской литературы. И запомни, деточка, особый под-*

Подаренное Добролюбие. 1970

Отец Иоанн в Переделкино. 1972

виг – только с благословения духовника».

Не помню уже, с чего я тогда начала приобщаться к духовности по Добролюбию и что так взволновало отца Иоанна. Задав мне несколько вопросов касательно моей осведомленности в чтении классиков, он выяснил еще одну, по его мнению, недоброкачественность. Я любила и много читала и даже иллюстрировала Л. Толстого. Это открытие его встре-

вожило не меньше, чем второй том Добролюбия. Он предложил мне убрать с полки Толстого, заменив его Достоевским, а к Добролюбию до времени не прикасаться совсем. Тем и кончились мои подвиги.

Удивительно, что советы отца Иоанна очень скоро претворялись в жизнь. Полное собрание сочинений Толстого должно было уступить место Достоевскому, которого у меня не было.

Ходить по библиотекам времени не хватало, значит, его надо было где-то приобрести. Узнав, что готовится издание полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, первое в советский период, я ринулась за подпиской. Но опоздала. Подписка на художественные произведения уже окончилась, пришлось подписаться только на публицистику. Прошло очень немного времени, и меня пригласили получить книгу. Мне подали первый том полного собрания произведений Достоевского. Горестно защемило сердце, но я должна была признаться, что эта книга не для меня, что я жду восемнадцатый том. На что мне сказали, что Федор Михайлович сам вознаграждает мою решимость иметь полное собрание его сочинений. Так батюшкино благословение определило события в книжном магазине города Ярославля.

История с моим чтением растянулась на все двенадцать лет. Батюшка щедро снабжал меня книгами из своей библиотеки и на свое усмотрение. В один из приездов он вручил мне книгу о женском монашестве «Ольховский монастырь». Прочитав ее, я недоуменно заметила, что при женской психологии такого монастыря нет и быть не может. Отец Иоанн рецензию оценил и тут же дал распечатку, где популярно излагался христианский духовный путь от азов до совершенства, книга так и называлась «Путь к совершенной радости» Н. Е. Пестова.

Впоследствии батюшка всегда интересовался, что я читаю, и напоминал: «выбор книг должен быть не беспорядочным, но соответствующим твоему образу жизни, иначе в голову придут мысли, не исполнимые делом, и ты станешь бесплодным мечтателем». Предостерегая, чтобы не проникло в душу ничего богопротивного, отец Иоанн рекомендовал мне, как

Батюшкино поздравление с днем ангела. 1982

новоначальной, читать книги только репринтные, дореволюционного издания, проверенные цензурой. «Ибо при нынешнем половодье авторов незаметно для себя можешь заразиться духом лестчим, – говорил он мне, – и одна неправая мысль, содержащая богохульство или тонкую лесть, может смертельно ранить душу, а ты этого и не поймешь. Хорошо

как справочник и руководство иметь при себе письма святого Феодана Затворника».

Я же, желая скорее наверстать упущения в духовном образовании, возмечтала о собственной духовной библиотеке. В букинисте эти книги появлялись редко, и думаю, что не я одна тогда охотилась за ними. Профессия реставратора подсказала выход. Я стала брать работу у коллекционеров, и по обоюдной договоренности расчет со мной они производили книгами. За несколько лет духовная библиотечка собралась приличная, но мечтой моей стало иметь Четырнадцать миней святого Дмитрия Ростовского. И это я поставила условием для дальнейшего сотрудничества с собирателями икон.

Время шло, но вместо желанных книг приходили другие с уговорами потерпеть ожидаемых до следующего раза. Я не теряла надежды и ждала. Но однажды случилось непредвиденное. Владыка озадачил меня вопросом, не делаю ли я работ по реставрации для коллекционеров. Я лаконично ответила: «Да, делаю», – и объяснила свою заинтересованность в такой работе. Он вдруг категорически запретил мне продолжать эту практику и прекратить всякое общение с ними. С некоторым недоумением я пообещала исполнить его благословение. Каково было мое состояние, когда на следующий же день у меня на столе лежали 12 томов Дмитрия Ростовского идеальной сохранности и икона Георгия Победоносца XVI века! Сердце трепетало, я прикасалась к своей мечте руками. Не сразу всплыл в сознании вчерашний разговор с владыкой. Не помню, как смогла я отказаться от очередной работы и от желанных книг. Ослушаться владыку я не посмела. Несколько дней, оплакивая мечту, не могла заставить себя идти в архиерейский дом. Чувства угово-

нилились нескоро. Но и это пережилось. А через год эта история получила продолжение, и обстоятельства прояснили ситуацию.

Из храма Ильи Пророка, что находится на центральной площади города, из Ризоположенского придела, выкрали иконостас. А поскольку реставраторы там работали, то и попали под подозрение. Год длились мытарства, но меня от допросов освободили скоро. Следы моих давних отношений с коллекционерами не всплыли. А история с книгами не окончилась. Я рассказала владыке обо всем случившемся, от какой беды он спас меня и как расстроилась мечта о книгах святого Дмитрия. Он перекрестился, поблагодарил Господа, а провожая меня домой, вручил тяжелейший чемодан. В нем были богослужебные минеи за двенадцать месяцев в кожаном переплете из его личной библиотеки. Позднее от отца Иоанна пришел в подарок и святитель Дмитрий Ростовский со своими минеями. И по сей день раскрываются предо мной две книги: богослужебные минеи и жития святых Дмитрия Ростовского, а с ними воскресает и память о столь дивном Промысле Божиим. «Наказуя, наказа мя Господь, смерти же не предаде». Скольких переживаний стоила мне вся эта история, длившаяся два года, но главное, приобретенный опыт уроков, которые временем не стираются из сознания.

Перебирая свои записи о поездках в Печоры, начиная с 1969 года и кончая 1981-м, я сделала открытие, что никогда у меня с батюшкой не было отвлеченных разговоров, но обсуждались конкретные вопросы, которые предлагала мне жизнь в данный момент. И это было то, что ложилось в фундамент духовного образования. Я неоднократно слышала от отца Иоанна слова: «Сначала будем строить дом души, а потом уж только

его освящать». Последовательно шли уроки жизни по духовной грамотности. В какой-то момент я начала понимать, что от меня требовалось не столько понимание происходящего, сколько терпеливое доверие.

Бывало, переживая некое серьезное искушение, я приезжала в Печоры растерзанная, бунтующая против всех и вся, и тогда отец Иоанн приводил меня в чувство, объясняя: *«Жизнь предложила тебе очередной экзамен, и ты его провалила. А сколько таких экзаменов, да еще и посерьезней, ждет нас впереди? С терпением давно были бы мы в Царстве Небесном, а без терпения в лучшем случае – только на пути к нему. Надо учиться все в жизни делать с рассуждением. И запомни, живые наши отношения с Богом зависят от нашего отношения к загробной жизни, от нашего отношения к смерти».*

Тогда же, провожая меня домой, отец Иоанн вручил отпечатанный на машинке канон на исход души и заповедал читать его каждую неделю. *«Мы ведь как родились, так каждый день к смерти и устремляемся. Афонские монахи этот канон неизусть знали».* Сраженная таким подарком, я недоуменно спросила: *«А о ком читать-то?»* *«Не о мне же, о себе читай, – ответил он, но тут же поправился: – а впрочем, и меня поминай, а то мне сейчас бывает некогда».* Так память о смерти должна была прижиться в душе, воскресая при чтении. А посредницей призывалась Матерь Божия, ибо обращение именно к ней как к Заступнице и Предстательнице трогательно звучит в каждом тропаре канона. Она, Путеводительница, благословила мое появление в земной мир, я родилась в день иконы Смоленской Матери Божией и Ее же благословения на переселение в мир небесный прошу уже с 1978 года.

И еще одну тему затронул отец Иоанн, задав мне однажды вопрос: *«А тебе что, фату или клобук будем готовить к венчанию?»* Для меня этот вопрос оказался неожиданным, и я от ответа уклонилась. Через какое-то время лейтмотивом многих разговоров стал вопрос о православной семье и семейной жизни. Идеалистическое изображение образцовой православной семьи отцом Иоанном вызвало во мне бурный протест, и я не остановилась перед тем, чтобы не сказать ему, что монах не может знать реальностей семейных отношений, а потому лучше об этом не говорить. Отец Иоанн тотчас удовлетворенно подвел черту под разговорами о семье: *«Я представил тебе варианты семьи по Евангелию, и если право на существование такой семьи ты не признаешь, значит, создавать семью и не надо. Всякая другая будет ли тебе во спасение?»*

Но и еще раз все-таки возник между нами разговор о семье, когда на моем горизонте появился конкретный человек. С этим юношей я познакомилась еще во время учебы в Москве, но на все его предложения отвечала уклончивым отказом. И вот он объявился, когда я жила уже в Печорах. Взволнованная подруга прибежала к батюшке с известием: *«Батюшка, к Татьяне-то жених приехал».* Реакция его была мгновенной: *«Еще чего не хватало, какой еще жених, мы ее уже просватали!»* Мне же отец Иоанн уже определенно сказал: *«а понести бремя той семейной жизни, какую предложит тебе наше время, ты не сможешь».*

Через пять лет после знакомства, в 1974 году, на праздник Успения Матери Божией, батюшка вручил мне отпечатанное на машинке послушническое правило со словами: *«А теперь переведу тебя в следующий класс».* Затем, юркнув под кровать,

Отец Иоанн регентует хором на сельском приходе. 1968

Чин о Панагии. 1967

он выдвинул коробку, полную четок, и стал перебирать их, тихонько комментируя свое занятие: *«Эти великоваты, эти цветные, а нам нужны черненькие, у этих бусинки большие, не по ее пальцам»*. Через несколько минут он поднялся, подошел к плащанице и, положив на нее четки, подозвал меня: *«Возьми их у Нее»*. Так Матерь Божия Сама благословила выбор моей жизни в пользу клобука.

Полученные четки не бездействовали, были при мне постоянно. Это стало моей глубокой сердечной тайной. Но однажды я не обнаружила их у себя в кармане. Земля ушла из-под ног. Сердце заныло, извещая о горе невосполнимой утраты, — потерялось благословение Матери Божией, рушилась жизнь. Я не пошла на работу, водимая помыслами, целый день в поисках бродила по улицам, начиная с места, где еще сознательно молилась по четкам. Но тщетно! Полтора месяца длились мои покаянные страдания и молитвенные вопли. Прощение пришло невероятным образом, когда я уже потеряла надежду. Матерь Божия неожиданно указала мне место, где их прятала. Я обрела их дома в стопе чистого постельного белья, которого мои руки не касались. Но и родные не могли быть причастны к этой тайне. Они в тот период очень нервозно и бурно проявляли свое несогласие с моим образом жизни.

Отец Иоанн не забывал наших бесед о монашестве и подкреплял их делом. Несколько раз он отправлял меня по делам в женские монастыри. Пюхтицы, Вильнюс, Рижская пустынь, Корец. Очарования женским монашеством не произошло. После одной из таких поездок я поделилась с батюшкой своим впечатлением и, видимо, огорчила его. Он счел необходимым исповедовать меня. *«У тебя неверная жизненная установка.*

Монашество – это дело всей жизни. С самого начала и до конца монашествующий с Божией помощью познает себя и душу свою. И чаще это не весьма приятные для него открытия. А конечный результат во власти Божией и оценка от Бога не наших достоинств, а нашего произволения к очищению души. Ты сама хоть один день поживи, наблюдая, что порождает твое сердце, может, тогда поймешь, какой подвиг предлежит монаху».

Отношение отца Иоанна к монашеству я наблюдала с самого начала моего пребывания рядом с ним. Это было не просто благоговение, но строгое и ответственное принятие монашеского устава, данное Самой Матерью Божией. Он частенько напоминал, что именно Она стала первой монахиней и образцом для всех, встающих на этот путь. Ваня, сделавший заявку на монашество в двенадцать лет, бережно хранил полученное благословение до пятидесяти шести лет. Живя в миру, учился быть не от мира и прошел сквозь все монашеские искушения еще до монастыря. И его постриг стал свидетельством уже состоявшегося в нем монаха.

В советский период, когда монастыри были вне закона, чтобы сохранить институт монашества в России, появились монахи тайного пострига, воспитанники монахов из разоренных монастырей. Но после 1988 года, когда началось возрождение монастырей, случился парадокс – во множестве явились монахини в миру. О чем отец Иоанн нередко говорил: *«В миру нет монахинь, им при постриге надо сразу жезл игуменский вручать»*. Мне перед исходом из здешнего мира батюшка определил мое будущее до конца жизни: *«Доживай в Печорах. И живи, как я жил монахом в миру, зная только Церковь и дом. В старый монастырь я тебя двумя бы руками благословил, а в нынешний и одна не поднимается»*.

Шествие в трапезную после службы. 1970

Десница св. мученицы Татианы

Очень конкретно проявилось отношение отца Иоанна к монашеству, и когда ему предложили принять схиму. Он тут же ответил, что он не против, но сразу после пострига закрывает дверь своей кельи. Схимник должен умереть для суеты земной жизни. Он привел в пример схимническую жизнь отца Александра (Васильева) еще задолго до принятия им схимы. Сам же отец Иоанн до последнего дня своей жизни оставался духовником и отцом своих многочисленных чад.

В 1977 году 27 января я неожиданно сорвалась на поездку в монастырь. Батюшка встретил меня вопросом: «*А ты как здесь оказалась?*» На что я ничего вразумительного ответить не смогла. Из дальнейшего разговора стало понятно, кто позвал меня в дорогу. За день до моего приезда в монастырь прибыли две святыни – десница св. мученицы Татианы и небольшая чудотворная икона Успения Божией Матери. Десницу прислал брат отца Иоанна архимандрит Афанасий (Москвитин), а икону привезли грузинские монахини в дар монастырю.

Батюшка сразу повел меня в келью благочинного отца Александра (Васильева) приложиться к мощам моей небесной покровительницы. Отцы подарили мне восковые белые цветочки, которые обрамляли десницу. Они благоухали благодатью. По сию пору эти цветы – принадлежность моей келейной иконы св. мученицы. Времени для разговора не было, но батюшка счел необходимым указать мне место, откуда я буду наблюдать перенесение святынь. 30 января, в воскресенье, предполагалось их водворение в Михайловский собор.

Был яркий зимний день с радующимся солнцем и хрустящим под ногами на легком морозце снежком. Переминаясь с ноги на ногу, я стояла у прямой лестницы вверху. Место самое под-

ходящее для обозрения. Вскоре я увидела, как из дверей братского корпуса вышли монахи. В этот момент что-то отвлекло мое внимание, когда же через мгновение я сосредоточилась на шествии, взору моему открылось неожиданное. Перед отцами-монахами шли высокие статные девушки. На них были белые рясы и белые апостольники с развевающимися голубыми лентами. Но не их появление поразило меня, я знала, что икону Успения Божией Матери привезли с Кавказа монахини, – удивило их поведение. Они были столь оживленны, что в моем сознании сразу нашлось и слово, определяющее их состояние, – это было ликование. Зато монахи, несшие святыни, по контрасту с ликующими девами как-то умалились, съезжились, казались сумрачными и унылыми.

Мой дух смутился, и ревность за дорогих отцов дала место скрипучему осуждению монахинь. Я наблюдала за происходящим и видела шествие все время, пока оно проходило по двору и когда поднималось по прямой лестнице, ведущей к Михайловскому храму. И все это время осадок раздражения на монахинь скоблил сердце. Но каково же было мое удивление, когда шествие, на какой-то момент исчезнув из поля моего зрения, снова появилось, и в нем уже не было белых монахинь! Изумление сменилось потрясением. Не сразу пришло осознание, что мне дано было увидеть то, что происходило за завесой естественного, видимого мира. И если бы не свойственная моей натуре реакция на монахинь, я бы усомнилась, не поверила бы виденному. Мимо меня прошли знакомые отцы, благоговейно и чинно несшие святыни, но не было в них того радостного ликования, которое явили небесные девы, сопровождавшие шествие.

И еще раз Божия благодать за молитвы отца Иоанна посетила этот мой день. Литургию я стояла в храме, но душа моя была за завесой, отделяющей наш видимый мир от потустороннего. Я видела Небесную Евхаристию, видела и чувствовала то, что обычно сокрыто от земнородных. От потрясения я заливалась слезами, и остановить их поток было не в моей власти. Теперь же всякий раз, когда совершается литургия, в сознании воскресает память о виденном. Ни разу после этого чудного вторжения невидимого мира в мою жизнь не повторилось ничего подобного. А то, что было дано, и поныне живет в сердце и в чувствах неопровержимым доказательством реальности бытия невидимого грешниками мира. Вечером, благословляя меня в дорогу, батюшка был краток, только и сказал: *«А ты сыта, с тебя довольно. Поезжай с Богом!»* И я поняла, что он знает обо всем происшедшем со мной. Да я еще была и не способна выразить свои чувства словами. Разговор о виденном состоялся только в следующий мой приезд в Печоры, тогда-то отец Иоанн и посоветовал мне все записать, сказав, что память человеческая ненадежный хранитель.

Впечатление от пережитого в январе было настолько сильно, что я жила думой снова оказаться в Печорах. В феврале такая возможность представилась, и в день Прощеного воскресенья я приехала, чтобы провести в монастыре первую неделю Великого поста. Неделя опять оказалась богата переживаниями: теплота живой церкви, общий вздох молитвы, тишина и умиротворение на душе, рассвет, медленно заползающий в церковь. Начиная с Чистого понедельника, три дня после чтения покаянного канона Андрея Критского отец Иоанн проводил беседы, готовя богомольцев к исповеди, по его выражению,

водил молящихся в «баньку». Позднее эти беседы были опубликованы в книге под названием *«Опыт построения исповеди»*. Многие «неведомые чада» отца Иоанна с этой книги начинают теперь приобщаться к таинству исповеди.

Люди не уходили, храм был переполнен. Только в пятницу исповедь молящихся завершалась получением разрешительной молитвы, а в субботу все причащались. Батюшка в субботу служил раннюю литургию, и я записала фрагмент его проповеди за этой службой. *«Други наши, день ныне исключительный, радуется церковь земная и небесная, все ее чада, пройдя сквозь покаянную неделю, одновременно причащаются. После длительной жажды очищения и томления покаянных трудов душа, подобная иссохшей, потрескавшейся земле, принимает целительный божественный дождичек святых. Дорогие мои, кто мы, к Кому подходим, что принимаем? Какой Дар получаем от Господа? Что подобно сему в мире? Никакие богатства не могут сравниться с даром Божиим. Он Сам соединился с нами, вошел в нас, чтобы мы живы были Его духом, Его силой»*. Помазывая меня перед отъездом, отец Иоанн напомнил: *«Держись же за десницу святой мученицы Татианы, она приведет тебя к спасительному концу»*.

К следующему Великому посту, который начинался в 1978 году 13 марта, я сделала все от меня зависящее, чтобы снова провести первую неделю в монастыре. Первые три дня поста прошли на одном дыхании вне времени. Отец Иоанн читал канон на утрени, и ничто не предвещало изменений. Но вечером в среду, когда я подошла под благословение, он шепнул: *«Молись, чтобы меня не задержали и я вернулся. Вот времена нынче какие, девицы юношам исповедоваться*

будут. Но ты причащайся, не жди меня». Оказывается его срочно благословили ехать в Пюхтицы на постриг монастырского священника отца Александра (Муртазова). Позднее батюшка поведал, что там он до глубокой ночи исповедовал готовящихся к постригу священника и инокинь, потом монахинь к причастию и в конце — матушку игумению Варвару. И всякий раз матушка Игумения участливо спрашивала: *«Батюшка, Вы не устали, может, еще и этих поисповедаете, и с этими поговорите?»*

Исповеди затягивались еще и откровением помыслов. И этот груз отец Иоанн поднимал с любовью, принимая раскрывающиеся души. А далеко за полночь он услышал, как в дверь его кельи опять скребутся и жалобный голос игуменьи: *«Батюшка, как Вы себя чувствуете, вы не устали? Владыка Алексей (Ридигер) хотел бы поисповедаться и поговорить»*. Беседа с митрополитом продолжилась до утра. Домой в Печоры отец Иоанн вернулся поздно в субботу в полном изнеможении, а в воскресенье ему предстояло сослужить архиерею и говорить проповедь.

Истомившись тревогой, вернется ли батюшка к моему отъезду, я ожила, когда увидела форточку его кельи открытой. *«Слава Богу, приехал!»* А служба на Торжество Православия долгая, проповедь отца Иоанна тоже немалая, но впечатляющая силой живого слова, его верой и убеждением крепкая. Обед кончился поздно, и его тотчас вызвал к себе владыка Иоанн (Разумов). И опять томительное ожидание, надежда сменялась безнадежием, а вера, что еще не было случая, чтобы батюшка не благословил меня в дорогу, питала надежду. Только в семь часов на минутку мы увиделись, и благо-

Игуменья Варвара и монахиня Георгия в Печорах. 1976

словение на жизнь до следующего приезда было получено. А письмо — отчет о прожитом — батюшка спросить не забыл.

То, что происходило в моей жизни, не понимали ни близкие, ни я. Только один отец Иоанн, казалось, был посвящен в тайны Промысла Божия. Духовное окормление младенца проходило каким-то неприметным образом и мною осмысливалось только во времени. Не было ни длительных и обстоятельных разговоров, ни тем более нотаций. Так, суть и глубину таинства исповеди я впервые живо прочувствовала в закуточке у мощей преподобномученика Корнилия в пол-

умраке Успенского собора на первой исповеди в Печорах у отца Иоанна.

Маленькое требное Евангелие и крест примостились к выступу иконостаса. Лоб чувствовал отрезвляющий холод евангельского оклада, а с теплом батюшкиного дыхания и шепота в ухо вливались слова, приносящие душе легкость и мирствие. Они-то и свидетельствовали о прощении грехов. Чувство освобождения от тяготеющего гнета своих ошибок подтверждалось последними словами батюшки: *«Ну, вот и у нас крылышки выросли, слава Богу!»* От испытанного обновления душа истаевала благодарностью к Богу. Как хотелось сберечь благодатное чувство явного Божьего посещения. Но, увы! Это мне было неподвластно. *Дух дышит идеже хочет. Не знаешь, откуда приходит и куда уходит.* А крылышки снова опускались долу, отягченные земными бренными делами и чувствованиями. В душе являлась печаль по потерянному небесному дыханию, но и опыт пережитого тоже оставался с тобой и порождал реальное видение себя, что опять звало к покаянию.

Первые пять лет моих поездок в Печоры были вне понимания. Ум, не навывший к духовному восприятию жизни, был как бы отключен, но сердце безошибочно знало то, чего не мог постигнуть захламленный земными знаниями ум. А отец Иоанн был рядом во все время моего младенчества. Когда я однажды в смятении принесла на его суд свои переживания и страхи о том, что уже одна, без него, барахтаюсь в житейском море и готова к потоплению, он успокоил меня словами: *«Ну как же ты не чувствуешь, что я всегда с тобой, да и ты*

Епископ Варлаам (Ряшенцев)

от меня не отходишь ни на шаг, где бы ты ни находилась: в Ярославле ли, или здесь, в Печорах, или еще где-то. Я всегда с тобой». Позднее я не раз слышала слова отца Иоанна: *«Кто вошел в мою орбиту, тот уже мой навсегда».*

В ярославский период жизни, в 1978 году, когда отец Иоанн предложил мне встать на клирос, чтобы практически познакомиться с богослужебным уставом и, как он сказал: *«научиться открывать нужную книгу в нужном месте во время*

службы», я невольно вошла в круг людей старой церковной закваски. Почти все они безотлучно прошли сквозь трагическую историю Церкви этого времени. Не по книгам были знакомы не только с отступниками-обновленцами (в Ярославле был период, когда патриаршей оставалась лишь одна маленькая церковка, по сути придел, все остальные стали обновленческими и стояли без прихожан), но и с теми, кто сохранял верность своей церкви ценой страданий даже до смерти.

Память о старце-духовнике епископе Варлааме (Ряшенцеве) сохранялась среди ярославцев не только в воспоминаниях, но и в записях его бесед. Жизнь многих из них выстраивалась его благословением, его советами. Тогда еще – юные девушки, теперь уже старушки, они молодели при воспоминании о владыке и охотно делились своими сокровищами со мной. Живой религиозный опыт всплывал в эпизодах их будничной жизни, чудесные вторжения небесных помощников воспринимались как само собой разумеющееся и не вызывали ничего кроме благодарности.

Так, Милица Константиновна Чернова, духовное чадо владыки Варлаама, часто ездила к нему в Вологду, куда он был сослан на поселение. Время было смутное, непредусмотренные приключения сопровождали ее, юную деву, почти в каждой поездке. И иконка святителя Николая, благословление владыки, всегда сопровождала ее. Однажды поезд остановился на каком-то полустанке, и пассажиров высадили. Незаметно люди рассеялись, и девушка осталась одна. В вокзал, где она намерилась дожидаться следующей okazji, чтобы доехать до Ярославля, ввалилась толпа подвыпивших парней. Кассирша немедленно закрыла окошко. Парни обступили

Священномученик епископ Герман (Ряшенцев)

беззащитную девчущку и заготовали. Помощи ждать было неоткуда. В это время дверь приоткрылась и вошел неопрятный старик, подсел к ней, чем обескуражил разыгравшихся парней. Подсел и стал невероятно вонять. Этого молодежь выдержать не могла, всячески обругав вонючку, они с безумными воплями выкатились на улицу, в сердцах хлопнув дверью. Старик же, перестав издавать вонь, досидел рядом с испуганной Милей до прибытия поезда.

В следующее посещение владыка вдруг спросил ее о старичке: «Ну как же ты не узнала святителя Николая, благоухающего своим миром в Бари, только на российский полустанок по ситуации он принес иную воню?» Милица по благословению владыки Варлаама с юности стала псаломщицей бедных сельских храмов, спасаясь от назойливого преследования властей, требующих от нее отказа от родителей взамен на возможность учиться в консерватории. Отец ее был священником. А девочка была музыкальна, и ее редкий голос – бас – стал поводом к такому соблазну. Стойко пройдя сквозь это искушение, она среди бедных крестьян выработала в себе уникальную душу. И это была ей награда от Промысла Божия.

Любовь к людям светилась во всем ее существе, она подобно солнышку согревала своих клирошан. Пригрела она и меня на весь ярославский период жизни. Но вот кажущийся на первый взгляд парадокс: уже больная, она отслужила свою последнюю литургию и, выйдя из храма, упала мертвой от удара неожиданно тронувшейся с места машины. Трагедия для всех знавших ее. Приехала и я с этим горем и великим смущением к отцу Иоанну. «Как же так? Человек безукоризненно верный во всем Богу – и такой трагический конец!» Отца Иоанна мои вопли не смутили: «Деточка, это был выбор самой Милицы Константиновны, ей так хотелось быть в вечности со своим духовным отцом, проводшим ее по жизни, что Господь исполнил ее просьбу. Чтобы быть рядом со священномучеником, ей надо было страдать». Так разнятся взгляды на происходящее в жизни духовного и мирского человека.

В рассказах бабушек иногда мелькало еще и имя брата

владыки, тоже архиерея, епископа Германа (Ряшенцева). От владыки Варлаама потянулась ниточка к Герману. Нашелся в Ярославле и человек, хранящий у себя копии его писем из бесчисленных заключений. Письма произвели на меня потрясающее впечатление, оживотворили пласт жизни доселе неизвестный. Но каково же было мое удивление, когда я узнала, что одна из адресатов этих писем еще жива. Желание посмотреть на человека, которому были доступны и понятны такие письма, возымело действие. Я собралась в дорогу.

Наталья Александровна Верховцева жила в Туле, куда их с мамой из Сергиева Посада выселило «правосудие» того момента жизни. Знакомство наше состоялось. Несколько дней я прожила в ее «теремке» вне настоящего времени, где сама Наталья Александровна, и все вещи, и стены с многочисленными фотографиями и акварельными портретами жили и бережно сохраняли дух старого времени и истинного православного благочестия. Но главное все хранило живую память о людях, посещавших их дом. Об отце Иоанне Кронштадтском, который был духовником их мамы, бывал у них и активно участвовал в воспитании детей; о патриархе Тихоне, который сидел на их старом, выдавшем виды диванчике; о старце Алексии Зосимовском, с которым какое-то время жили они под одной крышей в Сергиевом Посаде; о молодом ректоре Вифанской семинарии архимандрите Германе (Ряшенцеве), будущем архиерее.

Для меня ее воспоминания стали духовной сокровищницей, ибо я не застала в своей жизни бытия, не искаженного дерзкой человеческой волей. Провожая меня, Наталья Александровна произнесла: *«Танечка, у меня такое ощущение, что мы с Вами знакомы всю мою жизнь»*. На прощание она

подарила мне тетрадь воспоминаний, написанных ее рукой, с дарственной надписью: *«Душевно родной Танечке от матери и дочери Верховцевых»*. Тетрадоочка эта и по сей день при мне и согревает душу воспоминаниями. После нашего знакомства я заезжала в Тулу всякий раз, как ехала в Печоры. По водворении в монастырь мои поездки прекратились, но зато открылась между нами активная переписка, которая продолжалась до последних дней жизни Натальи Александровны.

Как-то я рассказала отцу Иоанну о Наталье Александровне и о своих поездках к ней, на что он живо откликнулся: *«А я хорошо знаю Наталью Александровну и рад твоему знакомству с ней. Я по обстоятельствам жизни не всегда могу дать тебе все необходимое, но по нашим молитвам Господь посылает тебе людей и через них восполняет недоданное»*.

Зашел разговор и о владыке Германе и его письмах. Отец Иоанн, оказывается, знал о его судьбе и сказал: *«Владыка Герман священномученик и записан в наш монастырский синодик, надо бы тебе молиться за них»*. А в моей голове тут же прозвучала поправка: *«молиться им»*. Теперь эта поправка обрела каноническое обоснование – священномученик епископ Герман Вяземский канонизирован в 2001 году. Тогда же отец Иоанн попросил привезти ему дневничок Натальи Александровны и письма владыки Германа к ней. И через некоторое время тщанием отца Иоанна этот дневник был издан отдельной книгой под названием *«Благодарю Бога моего»*, с тех пор он переиздавался уже несколько раз.

Новый этап жизни. «Жить Вам в Печорах. Так благословил Господь!»

В 1981 году я опять провела в Печорах первую седмицу Великого поста и снова вернулась в монастырь на Вербное воскресенье. До 22 мая у меня был отпуск. Время, насыщенное службами, пролетело быстро. Незадолго до моего отъезда отец Иоанн неожиданно спросил: *«А ты хочешь жить в Печорах?»* Я ответила вопросом на вопрос: *«А зачем?»* Батюшка отступил, но через несколько дней повторил свой вопрос. На что я, ранее обдумав его предложение, сказала: *«Батюшка, да я же живу в Ярославле, как кум королю и сват министру. К работе привыкла, к клиросу прижилась, в архиерейском доме при деле, практически каждый день в церкви и даже читаю каноны»*.

Начало пути. 1981

На мою тираду неожиданно прозвучали слова: *«Ты там слишком хорошо живешь, вот тебе и понадобились Печоры».*

Еще несколько раз повторял отец Иоанн свой вопрос, пока, наконец, я нерешительно заговорила: *«Ну, я, может, и хотела бы жить в Печорах, но не вижу к этому никаких возможностей».* Слово *«хотела»* было произнесено, и что-то сразу стало

меняться в жизни. Едва отец Иоанн получил мой ответ, как и отец наместник неожиданно сделал мне предложение стать реставратором монастыря. *«Хватит тебе болтаться между Ярославлем и Печорами, между миром и монастырем. Не пора ли сделать выбор?»* На минутку призадумался и добавил: *«Впрочем, помолимся апостолу Иоанну Богослову и святителю Николаю, они и помогут нам не ошибиться».* Это было сказано 20 мая, под день памяти апостола Иоанна Богослова. А 22 мая, в день святителя и чудотворца Николая, вопрос о моем переезде был решен окончательно.

Два по сути своей разных человека независимо друг от друга следовали велению, продиктованному им свыше. Отец Иоанн, прощаясь, помазывая елеем и окропляя святой водой, несколько раз шепотом повторил: *«И кто тебя так еще проводит, кто так позаботится о тебе?»* Затем благословил меня небольшой иконкой Вознесения Господня, прочитав тропарь праздника. В тот же день отец наместник пригласил меня к себе, пообещав благословить на дорогу иконой Троицы, но вместо нее вдруг вынес аналойную икону Вознесения Господня, перекрестив ею, отпустил. *«Господь творит елика хоцет».*

Волей Божией изменялся мой жизненный путь. Начинаясь новый этап ее. Выйдя на перрон в Ярославле, я всем существом ощутила, что город, бывший родным, стал мне чужой, а мама, открывая дверь, сразу задала вопрос: *«А ты что, в Печоры жить уезжаешь?»* По какому телеграфу и от кого получила она это известие? И снова началось суровое противостояние родных планам о переезде моем в Печоры. Одним из самых убедительных возражений для мамы оказалось рождение сына у моего брата. *«Кто племянника воспитывать будет,*

Литургия в Михайловском храме. 1983

он же твой крестник?» Письмо с ответом на этот вопрос пришло от отца Иоанна скоро. Он писал, что у племянника есть родители, и за воспитание своего ребенка они, только они отвечают пред Богом. *«А мы с тобой, – писал батюшка, – его вымалывать будем. Это родители ему вряд ли дадут. Детей теперь трудно воспитывать, их надо вымалывать. Это важно и крайне необходимо».*

Мое водворение на новое место жительства предполагалось на Преображение Господне, но окончание некоторых нача-

Печоры. 1981

тых мною работ, а затем и хлопоты по увольнению несколько изменили планы, и я выехала только 22 августа. Когда приблизился срок отъезда, я поведала о том владыке. Он выслушал молча, но на прощальном чаепитии вдруг обратился ко мне: *«Танечка, у меня к Вам просьба, дайте слово, что Вы ее выполните».* – *«Владыка, я и без обещания сделаю так, как скажете Вы».* – *«Прежде чем Вы встретитесь с отцом наместником, повидайтесь с отцом Иоанном и передайте ему мою просьбу, что я прошу его оставить Вас у меня».* Тепло, не без

грусти попрощались, владыка благословил в дорогу. Но человек полагает, а Бог располагает.

Промысл Божий опять властно вторгся в жизнь против архiereйского желания. По перрону в Москве я шла, глядя себе под ноги. Неожиданно мой лоб уперся в чей-то большой живот, я подняла глаза, передо мной стоял наместник Псково-Печерского монастыря. Он благословил меня и тут же озвучил все проблемы, касающиеся и будущей работы, и устройства жизни на новом месте. Пытаясь выполнить просьбу архиерея, я все же сразу по приезде пошла к отцу Иоанну. Рассказала и о встрече на перроне. На что батюшка с удивлением произнес: *«Отец наместник семь лет не выезжал из монастыря и, верно, ездил тебя встречать. Я не смог бы отказать владыке Иоанну, но теперь пиши ему письмо, как все сложилось»*. Через некоторое время я получила ответное письмо от архиерея: *«По-человечески хотелось бы не прерывать нашей скитской жизни, а по-Божьи жить Вам в Печорах. Так благословил Господь!»*

Позднее владыка присылал открытки — поздравления, в которых всегда живо интересовался моими занятиями и напоминал, чтобы они были не подельем, а творчеством. Но на новом этапе жизни было не до творчества — меня учили ходить по водам, учили забыть все, чем я жила ранее. Когда однажды, затосковав, я заикнулась отцу наместнику о том, чтобы что-то поделать для души, он грубо отрезал: *«Еще чего не хватало, пришла в монастырь, да еще творчества захотела, для души захотела. Я тебе покажу душу!»* Больше вопрос о душе и о творчестве не поднимался.

«Детка, добродетель не груша,
сразу не съешь».

Начало монастырской жизни

В первое Рождество по водворении в Печорах отец Иоанн, поздравляя всех с великим праздником, мне вручил копию со старой открытки, символически изображающую происходящее в моей жизни. На ней были изображены мальчик, держащий в левой руке фонарик, а правой влекущий за собой маленькую девочку. *«Смотри, это Ваня и Таня. Ваня фонариком освещает путь Тане»*, — произнес он, подавая мне этот подарок. Смотрящий да разумеет. Но долго еще не могла Таня понять, казалось бы, такой ясный и определенно выраженный путь Промысла Божия. А Ваня не смущался ее бестолковостью, не уставал, не раздражался. Иногда я только видела, как,

познав изнанку моей души, заботой затуманивалось его лицо.

Моя жизнь и работа в монастыре начались с тяжелой болезни. Прошло шесть месяцев, и я стала таять от слабости. Врачи настаивали на операции, меня благословили делать ее в Ярославле. По реакции врача, лечащего владыку Иоанна, я поняла, что дела мои серьезны. Профессор, вызванный для консультации, обсуждая заболевание, озвучил неутешительный диагноз. Было ясно, что смерть, моя смерть, будет не когда-то, но вот здесь и теперь. По прогнозу врачей это дело нескольких месяцев, если не недель. В голове переполох, как и что сказать маме; и другое, как бы я стала жить, если бы дни мои продлились? Последняя дума была бесплодна, врачи надежды не оставили.

Утром в день операции я прилегла в ожидании. Вот открылась дверь палаты, я остолбенела, вместо врача в нее вошел отец Иоанн. Молча, ласково улыбаясь, подошел, помазал меня освященным елеем, я почувствовала его аромат, благословив, пошел из палаты. В дверях остановился, еще раз перекрестил меня издали и вышел. Что это было и было ли? Объяснять не берусь, но в момент появления отца Иоанна я с тревогой посмотрела на соседей по палате – на вошедшего никто не обратил внимания. А на меня нашел столбняк. Через какое-то время я порывистым движением села на кровати, в голове пронеслось: *«Что же обо мне забыли, до сих пор не берут на операцию?»* В тот же миг ко мне бросились врач и медсестра, оказывается, операция уже закончилась, и они наблюдали, как я отходила от наркоза.

Вскоре батюшка прислал из Печор девочку, которая привезла от него благословение — иконку Благовещения. Это бла-

«Ваня фонариком освещает путь Тане».
1981

гословение отменило думы о близкой смерти. А от мамы врачи все же не утаили диагноза, и молитвой она припала к Богу: *«Господи, хоть на край света пусть едет, только была бы жива»*. Когда я вернулась в Печоры, батюшка удовлетворенно произнес: *«Слава Богу, хоть и вынужденное, но благословение на переезд от мамы мы получили»*. Очевидно, материнское благословение было важно для моей будущей жизни.

Так начинался новый, неведомый по сути этап жизни. Ранее я входила в церковь как в рай. Живя наездами в Печорах, проводила время на Пачковке или на кладбище с книгами и

мало общалась с печерскими старожилками, представляя их и тем более монахов небожителями. Испытания от тех и других очень скоро отпустили меня на землю, ибо посыпались на меня градом. Слова отца Иоанна, написанные двенадцать лет назад в первом программном письме: *«помни, что везде много огорчений, разочарований, так как люди везде остаются людьми со всеми своими “за” и “против”»*, наполнились для меня реальным смыслом.

Сразу по приезде всё и все были «за». Внимание и доброжелательность отца наместника, подарки от людей незнакомых в виде домашних пирожков, вязаных рукавичек и прочего, кто что придумает. Меня это насторожило, ибо ранее, когда я появлялась в Печорах наездами, никому в голову не приходило обратить на меня свое благосклонное внимание. Я поняла, что через меня эти подарки должны стать ключом, беспрепятственно открывающим дверь батюшкиной кельи. Но поскольку и для меня тогда ее открывали со страхом, то такую роль я на себя взять не могла. И обстановка вокруг меня скоро изменилась. Все, кто был «за», стали «против».

Самым первым неожиданно перешел в стан противников отец наместник. Это было выражено словами: *«Знай, если я увижу тебя у Ивана, я выкину тебя из монастыря не через ворота, в которые ты вошла, а через монастырскую ограду»*. Так была определена линия моего поведения в монастыре. А отец Иоанн одной фразой обозначил ситуацию: *«Так-так, полюблю – шубу сошью, не полюблю – шкуру спущу. Дочка, шубу-то из твоей шкуры попытаются шить, но нам твоя шкура нужна, и мне, и тебе, давай ее беречь»*. Если учесть, что у отца Иоанна были свои планы насчет меня, он сразу опреде-

1985

1983

лил для меня послушание письмоводителя, то оба эти послушания, входя в противоречие друг с другом, часто создавали критические ситуации. Надо было учиться жить осмотрительно, ежедневно молитвой предавая себя воле Божией. Я не прожила бы в монастыре и месяца, если бы не молитвы отца Иоанна. Ни молиться, ни осторожничать я еще не умела.

Еще одно недоумение возникло сразу. Одна из духовно продвинутых «матушек» попыталась взять надо мной опеку, решительно заявила, что я ничего не смыслю в духовной жизни и надо учиться, а потому надо ходить к ней на откровение помыслов. И второй раз я услышала от отца Иоанна

слова: *«Какое еще откровение, кому? Все, что тебе надо, я дам сам. Никаких посторонних помощников. У тебя со всеми должно быть почтительное расстояние. А благочестивые разговоры, если уж без них нельзя, в крайнем случае раз в месяц, а лучше и этого не надо. Хорошо тебе быть одной, подумать, почитать, помолиться, что-то поделать. Хорошо тебе быть одной! Дарования духовные ниспосылаются от Бога, а не от людей, и в свое время. А сейчас сосредоточь внимание на реакции твоего сердца на все происходящее вне тебя и в тебе»*. Так были узаконены ограничения и на дружеские встречи, и на духовные разговоры за чаепитием.

В тисках обстоятельств я попыталась следовать советам отца Иоанна, но не заметила, как пришел в душу тать. Прищурились глаза в поисках темных пятен на этом «солнце». Исчезло безоговорочное ясное доверие. *«Не может человек так любить всех, любовь отца Иоанна – видимость и обычное теперешнее лицемерие и лицедейство»*. Стоя в стороне, я наблюдала за его общением с людьми. Самому же не могла ничего сказать, боясь обидеть, еще помня и светлые чувства от его созидательной любви, которым теперь не доверяла. Батюшка все видел, но не вдруг протянул мне руку помощи. Дал душе свободу переболеть неверием и сомнением, чтобы не извне пришло доверие, на котором утвердится вера и понимание, что только любовь приносит в душу вожденный Божий мир. Он терпеливо ждал и был все тем же, понимающим и сочувствующим.

Эта мука, болезнь души длилась с месяц. Неприметным образом мрак рассеялся. На мой вопрос, что это было, отец Иоанн ответил, что это один из уроков, в которых ветхий

человек со временем обретет непререкаемую основу в духе Божественной любви, которая созидает истинную жизнь. Мучаясь угрызением совести за все происшедшее, я спросила отца Иоанна, неужели он не обижается на меня. На что услышала: *«Детка, у меня на любовь времени не хватает, а ты мне про обиды говоришь»*.

И тотчас, как бы мимоходом, батюшка преподнес мне урок об умении относиться к нанесенным обидам. *«Но уж если не умеешь пока не обижаться, то для начала претерпи безмолвно обиду, но учись, по крайней мере, относиться к ней как к небывшему. Умудряйся не носить этот мрак в сердце. И чем скорее ты этому научишься, тем яснее, чище станет на душе. Господа-то обижаем грехами постоянно, а Он при этом на нас не только не обижается и не только терпит, но любовью покрывает наше неразумие и нашу немощь»*.

Часто слышала я вопрос о любви, задаваемый батюшке и братьями: *«Как Вы можете любить нас таких?»* *«Как же вас не любить, мне вас жаль»*, – звучало в ответ. И он действительно любил, любил до боли сердечной, поливая слезами головы братьев, отступающих от своих обетов. Испытывая набеги чувств, противоположных любви, не владея собой, и я искала его помощи. *«Научите меня любить»*, – просила я. *«А ты пожалей! Пожалей нелюбимого! Сегодня пожалеешь и завтра, покроешь его немощь и беду молитвой о нем и не заметишь, как придет любовь»*, – кратко, но внятно отвечал отец Иоанн. Наше понятие о любви умещалось только на кончике языка, растворяясь в обыденной жизни и при набегах тяжелых обстоятельств. А отец Иоанн являл примеры своей любви неизменно, и даже то, что законно вызывало осуждение, он

часто покрывал любовью. *«А ты пожалей!»* И сам он жалел оступившегося, давая окружающим урок, как следует поступать не по букве, а по духу, *«по-человечески-то так, а по-Божьи не осуди, пожалей»*. Законно соблазнившись чьим-то поступком, я искала в батюшке союзника своему возмущению, но почти всегда он брал на себя грех соблазнителя, и я слышала от него: *«Я тебя соблазнил, а ты меня осудила, милости просим на одну скамью подсудимых. И статья-то и мне и тебе одна»*. Так многие годы преподавались практические уроки духовного отношения к жизни, к людям.

Но и позднее еще много раз являлся в душе бунтарский дух: *«Зачем мне понадобились эти Печоры?»* Это «зачем» болезненной занозой скулило в сердце, доводя до ропота. *«Батюшка, произошла какая-то ошибка, я десять лет училась, а теперь занимаюсь невесть чем: то бегаю с кастрюлями по коридору, то выслушиваю нарекания и выговоры за то, в чем не я виновата»*. Ответ невозмутим: *«Детка, у Бога ошибок не бывает. Когда ты предстанешь пред Ним, Он не спросит тебя, где и сколько ты училась, но как жила»*.

Школа жизни сурова. А душа все тянулась и тянется к земным радостям, не желая признавать в этих скорбях особой милости Божией и любви. А ведь то, чем ранилась душа, и скорбями-то назвать нельзя. Таня долго продолжала оставаться маленькой, понимая это, страдая и от этого. Так хотелось повзрослеть духовно, но, видно, это процесс долгий. Иногда батюшка словами старца Амвросия напоминал: *«Добродетель не груша, сразу не съешь»*.

Борьба за выживание

По переселении в Печоры я официально стала реставратором Псково-Печерского монастыря и одновременно тайной письмоводительницей у отца Иоанна. Явное и тайное совмещать было сложно. Приходилось постоянно приспосабливаться к обстоятельствам момента. Думалось, куда бы проще забежать к отцу Иоанну, законспектировать его ответы и сидеть в своей мастерской переписывать. Но не тут-то было. Предстояло не забежать, но пробраться, да еще угадать момент, когда у него нет посетителя, когда он не занят чем-то более важным.

На мне буквально исполнялись слова: *«Бог на деле ума прибавляет, и если Бог за нас, то кто против нас»*. Тогда только Один Бог и был за нас, остальных мне приходилось остерегаться. Сколько раз нашей подпольной канцелярии реально угрожала опасность, и становилось явным, что Господь Сам

дал и Сам же хранил послушание отца Иоанна как духовника, а меня как соучастницу в его деле.

Время неумолимо отсчитывало годы нового образа жизни. Семь лет я была еще под неусыпным и строгим надзором отца наместника, и батюшка был непосредственным соучастником всех искушений, происходящих со мной. Скорее я была отцу Иоанну не помощницей, а вящим трудом и переживанием. Так часто приходилось ему спасать положение, чувствуя свою ответственность за меня. А для меня все это были трудные уроки, когда в каждой жизненной ситуации духовные критерии предстояло закреплять собственным опытом. И опыт такой, который забыть невозможно, ибо давался Промыслом Божиим. Вот и несколько примеров подобных искушений. Действия вражи в них были явны, но и действия наперекор им Божественного Промысла просто вопиюще очевидны.

Однажды вызвал меня к себе отец наместник и повелел со всей моей реставрацией срочно перебраться в сарай, откуда он переселял столярку. Посмотрев новое помещение, которое предназначали для реставрационной мастерской, я пришла в недоумение. Без окон, было одно у самой земли, да и то забитое фанерой, без потолка, а с крыши свисала пропитанная вековой пылью паутина, маленькая печка-временка, нет воды. Уже много, по-моему, недопустимых жертв в работе реставратора я принесла ради послушания и смирения, к которому должна была приучаться в новых условиях. Но то, что предстояло сделать, было невозможно. Не заходя к батюшке, я пошла к отцу наместнику. Он меня миролюбиво выслушал и подвел итог разговору: *«Раз в этих условиях тебе работать невозможно, значит, собирай чемодан»*.

Дело было под осенний праздник Казанской Матери Божией. Приведя в порядок свои чувства, я решительно отправилась к отцу Иоанну. Он собирался на службу. Кратенько поведав обо всем происшедшем, я сообщила, что завтра уезжаю. *«Давай помолимся Матери Божией и предадим себя Ее водительству и благословению»*, – произнес отец Иоанн и, повернувшись к иконе Казанской Матери Божией, обратился к Ней словами тропаря Заступнице Усердной. Пошли в храм. Печалью исполнила меня служба, оказалось, не так-то просто опять начинать жизнь заново. Уйдя в свои нелегкие думы, я не заметила подошедшего ко мне пономаря. Его шепот вернул меня в действительность. *«Отец Иоанн велел сказать, что чемодан Вам собирать не надо»*. Радостью всколыхнулось сердце, высветив глубинные чувства души. На другой день батюшка рассказал, что отец наместник, войдя в алтарь, ни к кому не обращаясь, произнес: *«Татьяна остается на месте»*. Никто, кроме отца Иоанна, не понял, о чем и о ком идет речь. А батюшка тотчас послал пономаря, чтобы я узнала о благословении Матери Божией.

Первой келейницей отца Иоанна была инокиня разоренного Браиловского монастыря Мария по фамилии Владыка. Частенько батюшка пошучивал: *«Что Вы ко мне обращаетесь, я только архимандрит, Вы вот у Владыки спросите»*. При закрытии монастыря матушке пришлось пережить много треволнений, оставивших неизгладимый след в ней. Она, по благословию игумении, с риском быть схваченной, по ночам проникала через форточку в церковь, чтобы спасти от пленения и поругания особенно дорогие монастырские святыни. С тех пор она стала робка и боязлива.

Шествие из Успенского храма. 1973

Келья отца Иоанна в это время была местом небезопасным. Доброхоты трудились и привозили подпольно изданные книги, которые не обходили келью. Правда, и известия о возможных обысках и проверках тоже не очень-то строго хранились. Да еще необходимость тайно впускать в келью меня с письмами. Бывали случаи, которые для Марии могли кончиться инфарктом, а для меня изгнанием. Так, однажды после литургии батюшка шепнул мне, чтобы я дожидалась его в келье. Сам он задержался и пришел совсем измученный. Рухнул на свой диванчик и тут же заснул.

Совсем скоро колокол известил о приглашении к обеду. Совещаясь, будить ли его, мы услышали за дверью характерный знакомый звук посоха, отсчитывающий тяжелые шаги,

Отец Иоанн благословляет паломников. 1985

Спевка на улице. 1981

затем требовательный стук в дверь. Сомнений не было, это сам отец наместник пожаловал. Куда скрыться мне? В ужасе я прижалась к кафельной печи в ожидании трагической для всех нас развязки. Только единственный шаг за порог надлежало сделать наместнику, чтобы я оказалась на виду. Мария отбросила крючок и застыла в дверях. Грозный возглас потряс тишину: *«Что отец Иоанн, где он?»* И в этот момент отец Иоанн, доселе тихо посапывающий, тяжело вздохнул и издал тоненький свист-храп, сам ответив на вопрос отца наместника. Мария вышла из оцепенения и дрожащим голосом пролепетала: *«С-с-с-нит»*. Неожиданно начальственный голос произнес благостные слова понимания и сочувствия: *«Не буди его, пусть поспит»*. Закрыв дверь, Мария бросилась к аптечке, и мы, снимая напряжение, пополам выпили пузырек валерьянки. А батюшка, ничего не подозревая, продолжал мирно спать.

Случались и курьезные происшествия. Однажды наша работа с письмами была прервана не робким стуком в дверь. Стало ясно, что мне необходимо спрятаться. Но куда? За шкафом перед вешалкой, где висели пальто и стоял таз, было маленькое пространство, куда я и протиснулась. Отец Иоанн сам отворил дверь, в келью вошли благочинный и Мария. Между ними начался какой-то деловой разговор. В этот момент я почувствовала, что таз, в котором стояла, предательски поехал вместе со мной из своего угла. Через мгновение я окажусь на виду. Мария же, оглянувшись на скрежет, увидела выезжающий из-под вешалки таз. Она бросилась приостановить его движение, но не тут-то было. Таз сопротивлялся. Только тогда она увидела и поняла причину его свое-

волия. Собой она прикрыла могущее возникнуть искушение и сторожила таз, пока не ушел посетитель.

Так выживали мы в строгие времена до 1988 года. Через такие трудности и препятствия проходило данное батюшке Богом послушание. А отец Иоанн при каждом критическом моменте, когда над ним гремели грозы начальнического гнева, не смущался и только повторял для себя, а больше для меня, слова апостолов: *«Судите, справедливо ли пред Богом слушать человека более, нежели Бога. Видно, так надо»*. Ясная святая вера, что так надо, была внутренним свидетельством о том, что Сам Бог ему повелевает терпеть и трудиться.

Через семь лет после водворения в Печоры в последний раз прозвучала от мамы попытка вернуть меня домой. Родным я писала мирные благостные письма о красоте природы, о птичках, белочках, о чем-то внешнем, что не касалось действительных переживаний. Но обмануть материнское сердце – дело безнадежное. И она таки приехала в монастырь, но как раз в тот момент, когда покрывшее меня очередное искушение скрыть от нее было невозможно. Я лазила по куполу Успенского собора, счищая сгрибившуюся от солнца новую краску. Увидев меня с площади на такой высоте, мама категорически заявила: *«Поехали домой! Реставратор высшей категории, чем ты тут занимаешься? Поехали домой!»* Не знаю, как отец Иоанн улаживал эту ситуацию, их разговор происходил без меня. Но он умиротворил ее сердце, а благословляя в дорогу, подарил отрез шерсти черного цвета. Я осталась в монастыре. Маму проводил не только отец Иоанн, но даже и отец наместник.

Первые годы жизни в Печорах я никуда не выезжала, но через четыре месяца после визита мамы отец Иоанн вдруг

предложил мне поехать в Ярославль. Я моментально и с радостью вынырнула из всех ограничений монастырской жизни и строила грандиозные планы своего пребывания на родине. Но перед самым отъездом батюшка резко ограничил срок моего отпуска до нескольких дней, так что все мои планы остались несбыточной мечтой. Мне они показали, насколько я была далека от предложенного мне обстоятельствами образа жизни. Пробыв с родными четыре дня, порадовав их своим приездом, я уехала, навсегда простившись с мамой в этой жизни.

Через неделю после возвращения в монастырь, в день рождения отца Иоанна, это была Лазарева суббота, я получила телеграмму, что мама скончалась. Во гробе она обновила платье, подаренное ей батюшкой. Меня срочно собрали в дорогу с напутствием и инструкциями, что и как надо делать. Ведь проводы пришлось на Страстную неделю. Девятый день поминовения пасхальной радостью свидетельствовал о милости Божией к почившей. Весь мамин сорокауст прошел в напоминании о воскресении мертвых. В один из дней после похорон мамы ранним утром к нам пришла соседка, необычайно взволнованная. В сонном видении она встретилась с усопшей и бросилась к ней с расспросами, каково ей там, в новом мире. Молодая и красивая, излучающая радость мама ответила, что у нее все хорошо, она у Крестьянкина. Соседка пришла рассказать нам о сне, да и выяснить, не знаем ли мы, кто такой Крестьянкин. Все присутствующие при этом разговоре переглянулись, но умолчали. Ведь все знаемые проводили меня из Ярославля в семейную жизнь, а не в монастырь. Я вернулась в Печоры только после Радоницы.

В этот же период «выживания» мне недолго пришлось поработать с монастырским иконописцем отцом Зином (Теодором). Готовя меня к этой работе, отец Иоанн совершил надо мной чин посвящения в иконописцы. По мистическому откровению, данному отцу Иоанну, в башне, примыкающей к Никольской церкви, начали соиздавать престол игумену монастыря преподобномученику Корнилию.

В апреле 1985 года отец Иоанн отслужил воскресную литургию в Никольском храме и возвращался в келью по «кровавой дорожке». Он шел в сопровождении людей, но в полном молчании. Неожиданно для себя отец Иоанн почувствовал, что вокруг него что-то изменилось, и он оказался в траурном шествии XVI века, сопровождающем обезглавленное тело святого игумена. Скорбное молчание царило вокруг. В этом шествии отец Иоанн прошел до середины спуска, и неожиданно тишина взорвалась многоголосым: *«Преподобномучениче Корнилие, моли Бога о нас»*. Так, в считанные минуты миновал отец Иоанн четыре столетия и снова оказался в своем времени. Батюшка принял это видение как благословение и просьбу прп. муч. Корнилия о создании в обители престола, стражем которого он должен стать.

Наместник и монастырские старцы благосклонно отнеслись к предложению отца Иоанна. Проект иконостаса сделал отец Зион. А отец Иоанн неукоснительно следил за ходом работ. Частенько вечерами тайно он пробирался к нам и помогал молитвой и своим присутствием. Следующим стал иконостас, находящийся в церкви Серафима Саровского, на первом этаже Троицкого собора в Пскове. До начала работ отец Иоанн приехал специально, чтобы отслужить молебен. Но

работать там мне пришлось недолго, обстоятельства отозвали меня, передав в полное распоряжение отца Иоанна.

Неведомо кто, где и как решал мою участь. Не без боли в душе пришлось оставить блеснувшую было надежду стать иконописцем. А в сознании надолго внедрились помыслы: *«Зачем надо было совершать чин посвящения? Опять в отношении меня какие-то новые неведомые планы. Сначала во мне уничтожили художника, потом – реставратора, теперь – не родившегося еще иконописца. А дальше-то что? Не были ли все эти этапы ошибкой на моем жизненном пути? Опять забудь все приобретенное, опять иди в какую-то неведомую “обетованную землю”»*. Но, как всегда, спокойный ответ батюшки: *«Детка, у Бога ошибок не бывает. И кто из нас дерзнет с Ним поспорить? Раньше ты занималась реставрацией икон, теперь будешь помогать мне реставрировать души»*. Надо было опять начинать что-то доселе неведомое. Слава Богу! Отец Иоанн был рядом. Не доверять ему я уже разучилась.

Лития на всеобщем бдении. Конец 1980-х

Светлая седмица. 1982

Николин день. 1984

Письмоводительство

Письма, письма и письма! Сколько их прошло сквозь батюшкины руки; сколько горя и боли приняло в себя его любящее сердце; сколько смущений и недоумений устранил он; скольких воззвал из глубины падений своей милостивой сопричастностью и молитвой. Письма стали документами, они донесли батюшкины ответы неискаженными, в чистом виде, без примеси человеческих комментариев и трактовки. И теперь они продолжают разговор батюшки с нами от сердца к сердцу, от души к душе. Письма к отцу Иоанну передавались по рукам, приходили по почте. Они ехали, летели со всех уголков России и даже из-за границы.

Не раз слышал отец Иоанн от сочувствующих ему собратьев практический совет: *«Батюшка, а Вы не отвечайте на письма, писать и не будут»*. Но не мог отец Иоанн не пожать протянутой к нему руки, не ответить на вопль страдающей души, не

утешить болящего тугой сердца, не протянуть руку помощи утопающему во грехах. В письмах, да и при личных встречах, отцу Иоанну несли темные образы страхов – со страстями, печалью, причудами и почти всегда и горестный вопль: *«За что мне такие беды, эта постоянная мгла, эти скорби?»* Отец Иоанн не уставал пояснять, что *«не за что, а для чего. Испытания посылаются нам как уроки жизни. Все мы ищем своего, а не того спасительного для нас, что угодно Христу»*.

Исключительная покорность Промыслу Божию самого отца Иоанна, терпеливое несение непонятных превратностей жизни обогатили его таким опытом, что дали возможность распутывать гордые узлы современной жизни для властвующих в волнах житейского моря и обуреваемых непониманием и неведением. Не раз я слышала печаль в голосе батюшки, когда, поминая новомучеников и исповедников российских, с кем соприкоснулся за свою долгую жизнь, он говорил: *«Не дал мне Господь мученического венца!»*

Венца не дал, но обогатил бесценным опытом и долготой дней, чтобы помогать искушаемым нашим безвремением. А опыт-то какой! Отец Иоанн застал ясную и покойную Россию своего раннего детства, видел и прошел сквозь трагическую революционную и военную, душой же приник к России глубоких времен Святой Руси, но всматривался в нее уже через страдания XX века. Верность же Богу пронес сквозь горнило всех испытаний и воспринимал их не иначе как школу жизни. Для приходящих же к нему всегда оставался скромным учителем в этой школе.

В каждом письме к отцу Иоанну приходил живой человек, и разговор с ним не мог не состояться. Обращения его

к корреспонденту то умилительно-ласковое и трогательное: «*Детка, детка, Сашенька*», то с оттенком укоризны: «*Ах, Максим, Максим*», а то и предостерегающе грозное: «*Раба, не могу назвать тебя Божия, ибо ты уже вполне раба вражья*». Диапазон чувств отца Иоанна в письмах беспределен. Это было живое общение, непосредственный разговор с человеком, сидящим на диванчике рядом.

В 1981 году, когда я только начинала это послушание, писем было еще не так много. Они попадали в руки отца Иоанна, минуя почту. Вопрос: «*Когда уезжаете?*», который отец Иоанн всегда задавал вновь прибывшим, был насущным. Надо было успеть сориентироваться во времени, чтобы ответить на все привезенные письма, а этих заочных паломников тоже было немало. Но с 1988 года, когда отношение государства к Церкви изменилось, еще и печорская городская почта тоже стала работать на отца Иоанна. Поток корреспонденции увеличился настолько, что письмоводителю необходимо было выделять время.

С приходом в монастырь нового наместника запрет появляться мне у отца Иоанна был забыт. В новых условиях батюшка тут же перестроил нашу работу с письмами. Мне надлежало сортировать полученную по почте корреспонденцию по темам: скорая помощь, духовные запросы, благодарственные, имелся даже особый раздел, называемый «*капризы*». К письмам от местных жителей я не прикасалась, это было предусмотрено заботой батюшки обо мне, о моем духовном состоянии. На письма из раздела скорой помощи он отвечал безотлагательно.

Черновики ответов батюшки уходили для переписки в чьи-то руки и исчезали. Думать о сохранении их не приходило в голову.

Письмоводительство

Казалось, что все шло благополучно, но однажды случилось непредвиденное. Отец Иоанн получил письмо такого содержания: «*Батюшка, дорогой, мы получили Ваше замечательное письмо, благодарим. Но только ответ в нем не на наш вопрос*». Это была моя оплошность, но промыслительная, которая стала судьбоносной для эпистолярного наследия отца Иоанна. Чтобы избежать подобной ошибки впредь, я стала записывать ответ батюшки на конверте от данного письма, и по отправке писем черновики стали возвращаться мне. Так Сам Промысл Божий озаботился тем, чтобы один из видов батюшкиного духовничества и общения с людьми не пропал. Ведь именно в письмах были запечатлены ответы отца Иоанна на животрепещущие насущные вопросы бытия в нашем времени.

Не менее удивителен факт, как тот же Промысл Божий сохранил для нас и проповеднический дар отца Иоанна. В келье соседа монаха стоял шкаф, где в идеальном порядке, разобранные по темам, хранились на полках тетради — проповеди батюшки. Написанные разными почерками, без дат, они сохранились с тех времен, когда отец Иоанн ходил по Рязанской земле с прихода на приход. Как при его кочевом образе жизни они появились, и еще удивительнее, как не пропали, не потерялись на ухабистых дорогах?

На вопрос, заданный отцу Иоанну, зачем он стал их записывать, вполне владея словом, батюшка рассказал, казалось бы, курьезную историю. На одном из приходов к нему в церковь прислали мужичка — представителя от начальства с требованием, чтобы все «выступления» его в церкви готовились заранее и ложились на стол председателя сельсовета в письменном виде, до того, как он будет их говорить. Все это было сказано таким тоном, что он понял — вопрос обсуждению не подлежит.

Так началось собирание проповедей. Кто читал их в сельсовете и читал ли, неведомо. В монастыре ими начали пользоваться те, кто не успевал подготовить свою проповедь. С 1990 года их читают многие в книгах, изданных и переизданных уже не один раз. Даже такое, казалось бы, абсурдное требование через некоторое время обернулось благом. А слова мамы: «Бог плохо не сделает, значит, так надо!», которые укоренились еще в сознании отрока Вани, и для отца Иоанна опять и опять подтверждали могущество Промысла Божия.

Казалось бы, письма и живое общение — разные вещи. Но батюшка свое послушание духовника распространял бук-

Поздравление с пятидесятилетием Т. С. Смирновой. 1991

вально на все, к чему прикасался: слово в живом общении, слово в письме, слово проповеди. Отвечая на письма, отец Иоанн частенько призывал на помощь себе святых отцов. И они буквально сами являлись на его молитвенный при-

звив, заставляя меня поражаться этим невидимым, но явным духовным общением.

Получив письмо из далекой Америки от российского диссидента, батюшка сразу стал отвечать. Дописав до половины, он вдруг прервался и попросил принести ему книгу святителя Филарета (Дроздова), которую сам он еще не держал в руках, она только-только появилась в келье. Будто бы наугад открыл ее и продолжил диктовать ответ: *«умудри Вас Бог и дай силы быть в своей вере таким же последовательным и правдивым, каким были Вы в своем протесте диссидентском. Это Вам от меня, убогого самоучки. А вот, что говорит Вам муж умнейший и святой митрополит Филарет (Дроздов)»*. И на место встала та самая цитата, которую ему подал святой: *«Если думают, что бедствие пришло не путем истины и милости Господней, наказующей зло и обращающей к добру, то спрашиваю: как же пришло в мир бедствие? Украдкой? – Нельзя. Бог всеведущ. Насильственно? – Нельзя. Бог всемогущ. По слепому движению сил природы? – Нельзя. Ими управляет Бог премудрый и всеблагий. Куда ни обращайся с догадками, отовсюду принужден будешь возвратиться к одной неоспоримой истине, что если как-нибудь допущено в мир бедствие, то допущено не иначе как средство Провидения, наказательное и исправительное, а иногда испытательное, как Истина и Милость Путей Господних»*. Продолжил он письмо несколькими своими благопожеланиями: *«Сохраните Господа в сердце по жизни, и Он сохранит Вас для Вечности»*.

Незабываемым водворился в память моего сердца один из примеров длительных духовнических отношений отца Иоанна через письма. Однажды на его стол лег конверт с ленинградским штемпелем. Незнакомый человек скор-

бел и сетовал о заброшенном и полуразрушенном памятнике композитору Н. А. Римскому-Корсакову на Александровском кладбище. О чем разговор? Какое отношение к этой теме имеет монах Псково-Печерского монастыря отец Иоанн (Крестьянкин)? Но ответ на письмо последовал тотчас, и не о памятнике пошла в нем речь.

«Евгений, дорогой Евгений, что такое разрушенный памятник известному композитору, когда наша собственная душа разрушена до основания и искалечена по нашей вине, а не по нерадению кого-то?» Так началась переписка, так начались серьезные, истинно духовнические отношения. Оказалось, что человек этот уже где только не побывал, к чему только не прикоснулся: и к другим религиям, и к сектанству. Но вот вдруг набрел он на православного священника, для которого в письме высветилась беда души, стоящей на краю гибели. Встретиться лично им так и не пришлось по жизненным обстоятельствам. Отец Иоанн ушел в вечность, а письма благодарности от Евгения приходят в монастырь и по сей день, как вехи его пути к намеченной отцом Иоанном цели.

Черта благоговейнейшего и добросовестнейшего отношения ко всякому человеку и к делу прошла через всю жизнь отца Иоанна. Во всем был заложен духовный смысл, чистота и порядок. Благообразие и высокий дух поддерживало обаяние его облика. Так, один из посетителей после личного общения написал отцу Иоанну: *«теперь все время с благодарностью вспоминаю Ваш пасхально светлый лик»*. Очевидно, что культура и дисциплина лежали в основании того духовного здания, которое батюшка сооружал всю свою жизнь. И он не изменял этому ни при каких обстоятельствах. Восприятие в

человеке подобия и образа Божия порождало и соответствующее отношение к нему. Из ста писем, которые писал отец Иоанн на нарах лагерного барака, только два написаны скорописью, остальные нарисованы его каллиграфическим почерком. Но в этих двух нестандартных столько его смущения и извинений за вынужденную небрежность.

Два раза в год, на Рождество и на Пасху, отец Иоанн заблаговременно составлял праздничные поздравления, чтобы ими поприветствовать всех своих духовных чад. В этих поздравлениях светилась его радость и благодарность Богу, которыми он щедро и делился со всеми. Поздравления впоследствии были собраны и изданы. Чад же было так много, что у нас, его помощниц, в это время наступали ночные бдения. Подписывание конвертов, вкладывание открыток и листочков с текстом самого поздравления.

Особой трудностью была покупка открыток. В этом отец Иоанн был особенно щепетилен и требователен, и никакие наши вопли, что открыток, отвечающих его вкусу, не выпускают, на него не действовали. Мы выслушивали его протесты: *«Не срамите мою седую голову, нужны открытки, соответствующие духу праздника. Все должно быть со смыслом, а не наобум и как попало»*. И поиски подходящих картинок начинались задолго до праздничных дней везде, где жили духовные чада старца. А сколько продолжались ночные подвиги самого отца Иоанна, сказать трудно, ведь на каждом поздравлении должна была стоять его подпись. Но зато сколько радости и тепла приносили с собой заветные конверты, с каким нетерпением их ждали и как хранили, как обращались к ним, перечитывая, когда приходили в жизнь трудные обстоятельства.

Подарки, которые батюшка готовил для посетителя-гостя, непременно должны были быть тоже со смыслом и на пользу души. Свое отношение отец Иоанн выражал словами: *«Я получаю подарки как знак любви, с любовью дарю и сам»*. Полученные им эти знаки признательности и любви недолго пребывали в келье: одной рукой отец Иоанн принимал, а другая тут же вскоре отдавала очередному посетителю. Однажды, вскрыв коробку конфет, отец Иоанн обнаружил, что они посидели от времени. *«Срам-то какой, срам-то какой! Хороши же наши подарки – на тебе, Боже, что нам негоже»*. С тех пор, прежде чем вручить подарок, батюшка сам внимательно его обследовал, обращая особое внимание на срок изготовления, если это были конфеты. А то бывали и такие смущения: *«Деточка, как бы нам подарок отца Дамиана не подарить отцу Дамиану?»*

Вот еще яркий пример батюшкиного отношения. В девятые годы, когда всеобщее смятение вошло в жизнь россиян, какой-то доброхот прислал отцу Иоанну к празднику Рождества Христова несколько коробок шоколада. Радость, что для всех будут подарки и традиция не нарушится, у нас сменилась глубоким разочарованием, когда мы увидели картинки на обертках. Вместо миленькой отроковицы всем давно знакомой Аленки на ней изобразили Аленку-хулиганку как символ нынешнего времени. Всем было ясно, что из рук отца Иоанна не выйдет ни одной шоколадки. Батюшка по нашим лицам понял ситуацию и тотчас нашел выход из создавшегося положения. Он оставил шоколад в фольге, и поздравления все получили.

Успение Пресвятой Богородицы. 1990-е

Успение Пресвятой Богородицы. 1996

Келейница – время вынужденного самоотречения

К девяностому году, освобожденная от всех своих личин, незнакомым себе человеком, я входила в неведомую мне доселе роль келейницы старца. Очень быстро стало понятно, что моей личной жизни там места нет; что там, как и в реставрации, чем меньше проявляешься ты, тем лучше для дела. Ответственность пред Богом, пред батюшкой, перед людьми тяжким грузом придавила сознание. Я ощутила страшное одиночество и смятение. На мое состояние отец Иоанн отреагировал открыткой: *«Дорогая девица Татяна! Может быть, ты не знаешь, где и как должен проходить твой жизненный путь? Тебе это знать и не нужно. Делай твой следующий шаг. После этого Господь Бог укажет тебе и последующий. Так, шаг за шагом, следуя по указанному пути, ты устано-*

вишь, что Господь Бог, руководствуясь мудрым планом, ведет тебя по такому пути, который заканчивается у светлой цели. «Радуйся Благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая». Архимандрит Иоанн». Благую Вратарницу призвал батюшка, открывая мне дверь в новое служение. От меня же требовалась только верность. В этот переходный период отец Иоанн частенько напоминал: «мы с тобой учимся ходить по водам».

Находясь рядом с отцом Иоанном и бывая посредником между ним и людьми, я стала врагом многим из этих людей. Чтобы избежать враждебно смотрящих на меня глаз, я предпринимала разные уловки: *«Батюшка, ну я заведу ее в коридорчик, скажите сами, ведь не поверит человек, что это Ваш ответ». «А это не твое дело, поверит или не поверит», – одной фразой осаживал строптивную помощницу отец Иоанн. Наговорит он иногда много, в моей голове ералаш, и опять вопль: «Да я всего сказанного и до двери не донесу, половину забуду, а остальное перепутаю». И опять невозмутимое: «а ты кто такая, ты служебный дух, скажешь ровно столько, сколько слышала от меня, и скажешь так, как я сказал».*

Пример отношения к делу *«служебного духа»* частенько напоминался мне. Иногда его ответ был заведомо неприятный для вопрошающего, и я вопила: *«Да меня побьют камнями за этот ответ Ваш»* И опять: *«Ну, побить не побьют, но тебе ведь тоже спастись надо, потерпишь. Терпение – важное приобретение».* Бессчетное количество раз выслушивал отец Иоанн мои возражения – вопли растерявшегося перед жизнью человека. Усмиряя разъедающие мою душу помыслы о собственной несостоятельности, периодически напоминал:

«Подумай, а кто ты-то такая, ты служебный дух, а ответственность за все несешь».

Так в этом делании я должна была потерять и собственное имя. Поглощенная делами, постепенно я все же входила в стиль жизни келейницы отца Иоанна. Думать о том, как к тебе относятся люди, стало некогда. Однажды, читая какое-то письмо, отец Иоанн заулыбался и подал его мне со словами: *«Смотри, какую важную роль ты выполняешь при мне».* Текст запомнился: *«Отец Иоанн! Т. С. оградила Вас от моей любви».*

В 1990 году, в день Собора Русской православной церкви и выбора нового патриарха, с раннего утра отец Иоанн как бы стал соучастником этого знаменательного события. Он медленно облачился в белый подрясник и полумантию оптинского старца Амвросия, надев епитрахиль и поручи, молитвой присоединился к высокому собранию. Весь вид его свидетельствовал о исключительности момента. Меня отец Иоанн заранее благословил дежурить у входной двери, чтобы ничто не нарушало его молитвенного уединения. Только после трех часов батюшка позвал меня в келью и, усадив рядом с собой, стал рассказывать о посещении его патриархом Тихоном.

Уйдя в переживание происходящего в Троице-Сергиевой лавре, в какой-то момент отец Иоанн почувствовал, что находится в келье не один. Он поднял голову и обомлел, увидев в молитвенном углу патриарха Тихона, а на кровати отца Иоанна стоял и упирался в потолок служебный патриарший посох. Напряженный взгляд патриарха был устремлен на отца Иоанна, мысли его без слов непосредственно передавались батюшке. Патриарх требовал, чтобы отец Иоанн поднял

Прогулка по Вярскому лесу

На школьном стадионе

В ожидании гостей. 1996

посох. Батюшка встал с намерением выполнить благословение. Но не тут-то было. Посох оказался неподъемным. Отец Иоанн обернулся на патриарха. В душе же его внятно повторилось все то же требование. Тогда отец Иоанн стал осматривать посох и обнаружил, что его можно развинтить. Он, вновь посмотрев на Святейшего, убедился, что правильно понял его благословение. Занявшись развинчиванием посоха, а это тоже оказалось делом нелегким, он весь ушел в работу. Когда поручение было выполнено и отец Иоанн обернулся на патриарха, того в келье уже не оказалось.

Так ознаменовалось для батюшки избрание пятнадцатого Первосвященителя Русской православной церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Такой неподъемный патриарший посох предлежало ему поднять и пронести до врат в вечность. Дерзновенная живая молитва отца Иоанна постоянно сопутствовала патриарху Алексию II, ибо к тяжести патриаршего посоха ему дано было прикоснуться реально.

В своем слове на избрание патриарха отец Иоанн отметил, что в суровые моменты русской истории наши первосвященители отмечены святостью. Первая плеяда десяти патриархов российских началась со святого патриарха Иова, вторая – после двухсотлетнего перерыва – тоже началась святым патриархом Тихоном. Отец Иоанн молитвенно пожелал и новоизбранному патриарху Алексию II твердо и верно идти намеченной его прешественниками стезей к святости. *«Буди, Господи, буди!»*

Время смущения, смятения и неразберихи

Истина и милость путей Господних сопутствовали отцу Иоанну неизменно. С 1991 года, когда в государстве, да и в Церкви, началось *«смущение, смятение и неразбериха»*, перешедшие в *«перестройку, перестрелку и перекличку»* – так отец Иоанн характеризовал этот исторический период нашей жизни, к нему часто приходили люди с устрашающими прогнозами и разговорами об антихристе, о конце света. После непродолжительной беседы на эту тему батюшка спрашивал собеседника: *«Но почему Вы ждете антихриста, а не ждете Христа? Антихрист придет только на три с половиной года, а Христос на вечность. И надрывно думая и много говоря о будущих грядущих на вселенную страхах, стали ли Вы жить соответственно этим думам и заботиться о спасении души*

своей? А ведь это только к тому и призывает нас, чтобы уже сейчас на земле идти за Христом, а не за антихристом».

Он задавал человеку несколько вопросов, касающихся его отношения к жизни, и ответы свидетельствовали о правде слов отца Иоанна. Не только миряне, но и священники в это время засобирались спасаться бегством неведомо куда. Среди православных уже активно сеяли недоверие и к самой Церкви. В письмах, в проповедях и личных беседах отец Иоанн предупреждал о распространении ересей, сектантства и злоумышления на Церковь Христову. Он умолял верить Богу и не смущаться ничем, твердо опираясь на Церковь – столп и утверждение Истины, уверял, что мы еще живем во времена, когда совершается дело милосердия Божия, дело спасения человечества, а уход из Церкви – это шаг в погибель. *«Знает Господь, как спасти любящих Его. Нам же надо стоять в вере и не бояться ничего, кроме греха».*

В том же году, когда Украина определилась как самостоятельное государство и в ней появился свой государственный герб в виде трезубца, отца Иоанна посетили три приехавших оттуда священника. Добротные на вид, они заполнили собой маленькую батюшкину келью, и хозяин по контрасту с гостями умалился. Сев на келейном диванчике, гости стиснули отца Иоанна не только физически, но еще больше духовно. Священников волновал вопрос, как спастись от реалий современной украинской жизни и от грядущей антихристовой печати. Они были громогласны и напористы, образно представляя беззакония, творящиеся у них в стране и в Церкви. Спасаться от современной действительности они собирались бегством в недоступные для нее леса.

Отец Иоанн слушал гостей молча, дал им полностью выговориться, когда же почувствовал, что они истощились и пыл их поостыл, стал задавать гостям наводящие на размышления вопросы: *«Как в леса-то поедем, тоже, как и к нам, на машинах?»* Священники приехали в Россию на иномарках, которых у нас в это время еще не было. *«Придется в лесах-то дороги строить»*. Следующим оказался вопрос о том, кого они с собой планируют взять в леса. Священники не спешили с ответом, и отец Иоанн начал им помогать: *«Таню, Маню и Параню? Таня будет на клиросе пиццать, Маня кашу варить, а Параня порты стирать. А остальных вверенных нам Богом прихожан кому оставим?»*

Отцы, не готовые ответить на этот вопрос, переглянулись. А отец Иоанн не отступал: *«Дорогие, а телевизор-то смотрим?»* Ответ был обескураживающе простодушным: *«Ну как же не смотреть, ведь надо знать, что в мире делается»*. – *«Ну вот, придется в лесах и телевизионную вышку ставить»*, – продолжал размышлять отец Иоанн. Гости как-то заметно насторожились. И не напрасно, ибо последовал вопрос, который явно и окончательно смутил их. *«Батюшки, дорогие мои, а во время службы-то на часики посматриваем, чтобы окончить службу и успеть домой к хоккею, футболу, фигурному катанию или к сериалу?»* Несколько покраснев, священники ответствовали – *«посматриваем»*.

Отец Иоанн посуровел, и все услышали неожиданные в устах батюшки слова: *«Отцы, вам не надо бежать в леса и страшиться будущей печати. У меня этой печати еще нет, я пока жизнью своей делаю выбор, а у вас она уже стоит. И выбор ее вы подтверждаете ежедневно с желанием и любо-*

Отпевание архимандрита Серафима. 1994

вью. Ничто божественное уже не войдет в души ваши сквозь то, чем занято ваше сердце сейчас. Они накрепко запечатываются вашим отношением к жизни и служению».

В келье воцарилась гнетущая тишина. Через мгновение отец Иоанн очень тихо задал отцам вопрос: *«А программки после двенадцати вы посматриваете?»* В ответ прозвучало

однозначное «да», и гости «запылали», смутившись окончательно. Они дружно поднялись и, попросив молитв, притихшие, вышли. Я не поняла значения последнего вопроса батюшки и, когда гости ушли, спросила его. На что он мне сказал: *«А тебе этого знать не надо»*. Так, неожиданно, окончилась эта беседа. Не было ни помазания елеем, ни окропления святой водой, ни обычных для батюшки расспросов о делах церковных и домашних. Не было веселого прощания с множеством гостинцев для матушек и деток. Мгла от этого визита и разговора оставила в келье свой ощутимый след на весь день.

Не могу забыть, как отец Иоанн отвечал на самый больной для всех вопрос о новых документах и об ИНН. Это были годы, которые теперь называют «лихими нулевыми». Россия зависла над пропастью, разрушительная стихия подкатилась и к порогу Церкви. Назревал раскол. Батюшка отвечал на полные отчаяния и безнадежности письма. Часто повторялся вопрос по поводу вечной участи для тех, кто примет эту «антихристову печать». *«Опять все не о вере Богу и Его святой Церкви, а об этом ИНН»*, – сокрушался старец. Но терпеливо отвечал совопросникам, что до прихода антихриста мы не доживем, но экзамен на верность предстоит всем живущим без исключения. Смиранных, молящихся и доверяющих Богу Сам Господь сохранит не только от печати, но и от всех бед, грядущих на вселенную.

В это время болезнуя о людях, не избежал душевной туги и отец Иоанн, вздыхая, он повторял слова Поликарпа Смирнского: *«Господи, как ты допустил меня дожить до такого времени?»* Несколько его ответов на письма частным лицам неведомым образом попали в Интернет. Отец

Иоанн – человек Церкви, страдая за народ Божий, все же терпеливо ждал соборного голоса Церкви. Но вот телефонный звонок патриарха и благословение отцу Иоанну озвучить свое видение проблемы. А чтобы не было кривотолков, записать ответ на видео. Отец Иоанн облегченно вздохнул. Благословение священноначалия освобождало его от переживаний, что он ранее соборного гласа вынужден был говорить на эту тему.

Несколько дней он отстранялся от обычного распорядка жизни, видимо, готовился выполнить это послушание, и я несколько раз слышала вполголоса произносимые им слова: *«Ну, дай Бог нашему теляти да волка съести»*. За день до приезда патриаршего посланца, после молитвенного правила батюшка предложил мне подготовиться к работе. Сам он перекрестился и сел за письменный стол. Я примостилась сбоку на краешке. Отец Иоанн закрыл глаза и начал говорить.

Он диктовал свое послание с начала до самого конца, не открывая глаз. Было впечатление, что он читает незримый для меня текст. Окончив, встал, перекрестился и произнес: *«Я устал и теперь полежу, а ты проверь цитаты, чтобы не вкралось ошибок»*. После краткого отдыха попросил почитать, чтобы воспринять написанное на слух, и не внес в текст ни единой поправки, а только произнес: *«Роды были тяжелые, но ребенок родился здоровым. Слава Богу!»*

Покорность велениям Божиим

Теперь могу говорить только о том, что я слышала и видела своими глазами, что записала для памяти за время моего служения в качестве келейницы. Не берусь ни домысливать, ни оценивать виденное и слышанное. О духовном может судить только духовный, а потому понимание и суждение о батюшке оставляю на духовную меру читающих. Двадцать пять лет видеть человека, который выпестованной в себе любовью стал совокупностью совершенств, быть рядом и, хоть многого не понимая, видеть и слышать его отношение к жизни, видеть его в разговорах с одним человеком, слышать его беседы одновременно с группой посетителей, видеть встречи с сильными и малыми мира сего. Видеть одухотворенным молитвой, видеть готовящимся к праздникам, видеть в быту и в моменты работы над проповедями. Видеть на природе, которая для него была божественной книгой, продолжением Святого Евангелия.

Видеть и удивляться виденному и слышанному, ибо буквально все это было явлением жизни во Христе. Внешне ничем не отличаясь от своих собратьев-современников, по сути своей в наше время он был, как *«един от древних»*.

Знак скромности и смирения видимо и постоянно являл отец Иоанн в перипетиях своей жизни. В великом смущении при похвалах он восклицал: *«Ох уж эти прославители и прославательницы. Таша, ну, правда же я как все?»* Я отвечала в тон ему: *«Ну, конечно же, батюшка, Вы очень стараетесь быть как все, – и тихонько себе под нос, чтобы не огорчить его, бурчала: – но у Вас это плохо получается»*. В ответ на благодарности он, бывало, всплеснет руками: *«Не нам, не нам, но имени Господа дадим славу! Молитвами Церкви, молитвами Церкви мы все выживаем в бурях настоящей жизни. Молитесь!»*

Особенно определенно его взгляд на себя обозначился, когда священноначалие заговорило о необходимости собирать о нем воспоминания тех, кто прибегал к его помощи. *«Воспоминания? Какие еще воспоминания? О ком это? О человеке, проведшем всю свою жизнь на ярмарке? Обо мне одно воспоминание: поживе и умре, поживе и умре!!!»* Только слова отца наместника, что писать о нем все равно будут, но фантазия пишущих будет неистошима, изменили его отношение.

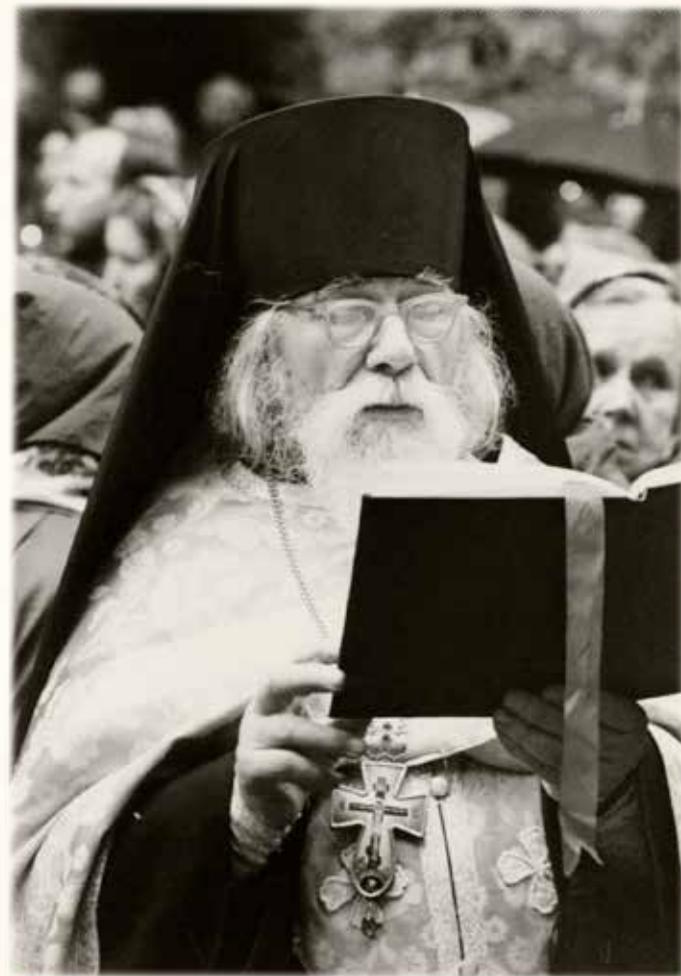
Погрустнев, он снял с меня запрет обнародовать мои записи о его жизни. А сопроводил это свое благословение такими словами: *«Ну, уж раз говорят, что это необходимо, то делай сама, но смотри, чтобы не было выдумок и глазки-то у вспоминальщиков не блестели, но говорили лишь о том, что я дал вам видеть»*.

Своим примером он безмолвно звал всех увидеть и почувствовать и в своей жизни присутствие Живого Бога. Ибо

«познание Бога, единение с Богом и утверждение в Боге» он признавал *«конечной целью всей жизни и духовного воспитания»*. Непосредственная живая связь с Богом обозначилась в отце Иоанне с детства и прошла через всю жизнь. Науку духовного самовоспитания, выведение ее из пестроты и суетности в канон духовной жизни он начал с ранней юности. Подобно премудрой пчеле отец Иоанн собирал крохи духовного опыта с духоносных мужей и жен, которых Господь посылал на его жизненном пути. Он бережно хранил в сердце память о них, и их жизненный подвиг стал для него путеводителем.

Воспринятое от мамы в раннем отрочестве понятие о Промысле Божиим: *«Бог плохо не сделает, значит, так надо»*, – возросло в опыте жизни до реального ощущения постоянного присутствия Божия. Прикасаться к водительству Промысла отец Иоанн почитал кощунственным. На мои бунтарские вопли и непонимание происходящего он реагировал спокойно. Устраняя человеческие суждения об обстоятельствах современности, отец Иоанн ставил меня непосредственно перед действием Промысла Божия.

Помню такой разговор со мной: *«Ну, ты все Промысл Божий пытаешься подправить и лучше Бога знаешь, что для тебя надо. А смотри, как от самого рождения Промысл Божий строил мою жизнь. Он пожаловал мне духовным покровителем Иоанна Пустынника. В день его памяти я на свет появился. В этот же день празднуется память псково-печерских святых Марка и Ионы. Только духовно повзрослев, я осознал, что и они не случайно сопредисутствовали при моем рождении. Уже тогда у моей младенческой колыбели Промыслом Божиим намечался мой путь под покров псково-печерских свя-*

Всенощная на Успение. Чтение акафиста. 1990-е

Литургия в Сретенском храме. 1987

тых. Молитвы святых Марка и Ионы не дали мне остаться в Троице-Сергиевой лавре, когда при ее открытии после войны наместник отец Гурий хотел постричь меня в монахи. Я неожиданно был отозван из Лавры и возвращен на свой прежний приход.

За несколько дней до пострига я прикоснулся к таинству смерти, очевидно, обмирало что-то отжитое, чтобы начался новый этап жизни – монашеский. Святой старец Серафим Романцов в день памяти святого Самсона совершил надо мной постриг, сказав: “Ну, я тебя постригу, хоть умрешь монахом”. Наследие Самсона странноприимца мне досталось при постриге. Божиим определением я выжил, но на всю жизнь дол-

1988

жен был стать странноприимцем. И имя Иоанна Богослова не я выбирал, но старец нарек меня им. И не было ли за время моей жизни с двенадцати лет до пятидесяти шести обстоятельств, которые провоцировали бы свернуть с намеченного для меня Богом пути? Надо твердо верить Богу и доверять Его Промыслу».

К тому времени, когда я оказалась рядом с отцом Иоанном, уже никакие внешние условия и тяготы жизненных обстоятельств, казалось, не бросали своей мрачной тени на его жизнь. Религиозные переживания небесным светом освещали для него земной путь. Больше всего он любил Церковь, службы и молитву. Всеобъемлющий дух молитвы сопровождал отца

Иоанна постоянно, соприсутствовал в нем и в его келье.

Однажды я обратилась к бабушке с просьбой: *«Научите меня молиться»*. На что последовало: *«А ты разве видишь, что я молюсь?»* Я упорствовала: *«Тогда скажите, что мне сделать, чтобы Господь слышал меня так, как слышит Вас»*. Теперь сама удивляюсь своему недомыслию и дерзости, а бабушка по моему младенческому состоянию все понимал и прощал. В ответ прозвучало: *«Деточка, таким надо родиться»*. И тут же с печалью добавил: *«Перестали русские жены преподобных рожать, самовластно и дерзко вторгаясь в таинственные планы Промысла Божия, забывая, что все от Бога, все с Богом и все к Богу, и ничего твоего»*. Каково же было смирение самого отца Иоанна, что он все в человеке, и прежде всего в себе, воспринимал как дар Божий. Так укоренены были в его душе слова апостола: *«Я и сам не сужу о себе: судия же мне Господь»*.

Нельзя не вспомнить особенности его подготовки к ночным службам на Рождество и на Пасху, которые долго удивляли и смущали меня. В келье в этот предпраздничный день бывала кутерьма. Собирались подарки, составлялись списки, кому и какую книгу приготовить. Книги отец Иоанн дарить любил, и к праздникам некоторые издатели радовали его разнообразием своей продукции. Совет отца Иоанна в это время для нас был необходим. Но он с раннего утра крестил мою голову, а потом забирался по складной лестнице под потолок, где у него стояли книжные шкафы, там проводил он день, сидя на лестнице. Читал ли, молился ли, не знаю, но для нас же становился недостижим.

В келье водворялась напряженная тишина, даже разговаривать между собой мы боялись, в страхе поглядывая на

него, восседающего на хрупкой лестнице, с одной мыслью, что если он пошатнется, конец предсказать нетрудно. В таком напряжении проходил день. В девять часов отец Иоанн спустился со своего наместа вниз и срочно всех хожалок выпроваживал, мотивируя тем, что должен отдохнуть перед ночной службой. На отдых ему оставался только час. Позднее я поняла эту особенность как желание полного уединения, своеобразного затвора от суеты. Так он духовно готовился к великим праздникам и так обуздывал нас.

В последние десять лет жизни его близость Богу стала выражаться особенно. В 1993 году впервые он произнес слова: *«а теперь слушай волю Божию...»* Это произошло у престола в Успенском храме, когда встал вопрос об открытии монастырского подворья в Москве, который теперь мы называем Сретенским монастырем. Вскоре, посылая меня ответить на заданный посетителем вопрос, он произнес: *«Иди, скажи: “Учитель сказал!”»*. При этом остался не просто спокойным, но даже отстраненным. Через отца Иоанна говорил Спаситель. Первое время я буквально немела, сраженная таким его дерзновением, позднее привыкла как к само собой разумеющемуся. Ответом, данным через посредника, Сам Господь прикасался к судьбе человека, Сам Бог повелевал: *«Учитель сказал»*.

А в последнем слове Учителя явилась уже Его трогательная забота не об одном человеке, но обо всех живущих, и дано это слово через отца Иоанна и записано его рукой. Ему было видение, о котором по своему обыкновению он умолчал. Но однажды в 2000 году бабушка подал мне конверт и произнес: *«Прочитай»*. Слова Учителя пронзили мое существо. *«Стой и смотри, что Я допустил для вашего вразумления без внезап-*

ной кончины людей. Виновных не ищите! Виновных не ищите! Молитесь! Будьте в жизни всегда и во всем осторожны». Я умоляюще вопросительно глянула на отца Иоанна, но он не ответил мне. Позднее по церковному календарю и по датам на листочках я установила год, когда батюшку дважды посетило это Божие откровение. Это произошло 22/4 и 23/5 декабря 1999 года. А дал мне эти записи батюшка, чтобы они не остались в тайне, ибо надо услышать и принять эти слова Учителя всем нам как программу нашей нынешней жизни, молитвой преодолевая все трудности и недоумения, поверив, что Учитель рядом, что Его любовь все еще заботится о спасении человечества.

Память сердца отца Иоанна хранила имена и обстоятельства жизней стольких людей, что для меня была непостижима, казалась безмерной. Иногда он преподавал и мне практические уроки отношения к приходящим. Тронутый чьей-то запредельной бедой, он предлагал мне подключиться к его молитве за бедствующего. Моей памяти хватало не больше чем на две недели, и когда батюшка через месяц напоминал мне о скорбящем, я обескураженно сознавалась, что давно забыла о заповеди молиться о нем. «Голова – ненадежный хранитель, позднейшая информация и впечатления стирают из памяти ума и то, что необходимо бы помнить, а память сердца надежна, учись расширять свое сердце», – говорил отец Иоанн в таких случаях. Сам отец Иоанн молился дерзновенно, и в молитвах очевидно проступала его «сыновность» Богу. Но при этом, благоговейно ценя свободу человека, он никогда не настаивал на исполнении своего совета, не подавлял вопрошающего ни своим авторитетом, ни великими словами о воле Божией.

«Живой Бог, живая природа»

Непрерывный приток и отток приезжих захлестывал отца Иоанна в монастыре, и потребность побыть наедине с Богом с возрастом он чувствовал особенно. Уединение на природе, когда между ним и Богом никого не было, стало батюшке крайне необходимо. Да и внутренняя духовная сторона житейской драмы в предстоянии пред Богом наедине раскрывалась перед ним со зримой очевидностью. В одном из писем отец Иоанн так написал об этом времени: *«Четвертый день как живу я жизнью уединенной, где только небо и земля вещают о дивных делах Божиих. Но это уединение не только не устранило дум о том, что происходит в мире и с людьми, но как бы еще ярче увиделось на фоне послушной воле Божией и умиротворенной Им природы, безобразия человеческой драмы, где сценаристом была и есть сила богоборческая, сила вражия».*

Начиная с 1985 года отец Иоанн в тридцати минутах езды от монастыря в маленьком эстонском селении Вярска обрел для себя место уединения, которое на двадцать лет стало для него скитом. После Духова дня он отъезжал на уединение в лес. Гостеприимный дом стоял на берегу реки, откуда открывался простор Божьего мира с безграничным небом, где первые лучи восходящего солнца отражались в реке, а вечером оно, уставшее за день, опускалось на горизонте в водную гладь. Вечером, возвращаясь из леса, отец Иоанн во весь голос пел молитвенное обращение: *«Утверди, Боже, православную веру православных христиан во веки и в век века»*. На мосту над простором, где открывались дали и небо соединялось с водой, звучал голос батюшки: *«Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение»*.

Природу отец Иоанн любил особенно. Она была для него убедительнейшей книгой жизни, беспрекословно подчиненной Божиим велениям. О творческой и животворящей силе природы он мог говорить с увлечением. Пробуждение жизни в засохшей закорючке неведомого нам семени, в ней ни вида, ни доброты, он приветствовал восторгом: *«Детки! Смотрите, это же живой Бог! Живая природа!»* Уроки духовного понимания жизни мира, людей, собственной души были постоянной его заботой. *«На одном деревце нет двух одинаковых листиков, а вы во всех хотите видеть только себе подобных. Живой слабый росток пробивает преграды из асфальта, так и десница Божия сметает на пути жизни все человеческие измышления, давая свободу Промыслу Божию»*.

Начиналась жизнь на природе всегда с чтения акафиста «Слава Богу за все», им же завершалось и прощание. Когда

Вокруг озерка с Иисусовой молитвой

отец Иоанн был еще в силе, он вставал очень рано, чтобы, пройдя сквозь еще сонный лес, встретить восход солнца на поле словами: *«Слава Тебе, показавшему нам свет»*. Иногда, к всеобщему восторгу, на этом же поле ждал восхода небесного светила аист. После утренних молитв в полной тишине возвращались домой, слушая в просыпающемся лесу воскресающую от сна перекличку пернатых. Оживал лес разнообразием звуков, запахов, благодатной жизнью.

Отец Иоанн в эти минуты наслаждался одиночеством. День он тоже проводил в лесу. Мы гуляли вокруг него, собирая грибы или ягоды, которыми было полно это благодатное место. Книга непременно сопровождала батюшку на прогулках, и он периодически подзывал нас, чтобы что-то прочитать вместе.

С верным другом Нопи. 1998

130

У дворянского гнезда. 1999

131

За отпуск прочитывались все каноны Матери Божией, которые в течение года читаются на повечерии. Все праздничные службы он совершал и в отпуске, только литургию заменял обедней. Причащались по праздникам взятыми из монастыря запасными Дарами.

В вярском лесу Господь показал нам два явления Божественной стихии, которые прокомментировал отец Иоанн как видения Божии. Они последовали одно за другим с кратким интервалом. Среди бела дня, при ясной погоде и солнце вдруг хлынул с неба невиданный водный поток. Свет не померк, но ливень был такой, что исчезли очертания предметов вблизи. Прижавшись к сараюшке, где нас застигла стихия, мы наблюдали это необыкновенное явление. *«Господь показывает нам, как начинался всемирный потоп»*, – произнес батюшка.

Явление, к счастью, длилось недолго, а если бы оно продлилось, нам пришлось бы выбираться из леса вплавь. Но солнце скоро заиграло на омытой зелени. Весело шлепая по теплым лужам, мы добрались до дома. Но не кончились на этом наши необыкновенные впечатления этого дня. Едва мы спрятались под крышу, как при том же солнце посыпал град величиной с созревшую вишню. Им мы любовались из окон. Несколько минут, и все кончилось. Все домочадцы высыпали на улицу и застыли в восторге. Небо, деревья, вода и все-все окружающее засветились светом, как бы пропитанные изнутри золотом. Ошеломленные, мы услышали батюшкин голос: *«Так будет перед вторым и славным пришествием Господним!»* Но и это продлилось недолго и угасло так же неожиданно, как и началось. Природа земная взяла верх над торгнувшимся в нее небесным явлением.

Уединение в Вярском лесу. 1999

О духовничестве отца Иоанна

«Духовничество – отцовство, когда в муках рождения духовник освобождает от пут греха и от неведения в человеке тот образ Божий, который ему дан. И указывает путь к подобию!» Это слова отца Иоанна, так понимал он задачу духовника. Сколько переживаний радостных, но и самых неожиданных, а иногда и болезненных приносило это дело. Сколько трудностей и преткновений возникало на пути. Видеть плоды своей молитвы и чудо Божия отклика на нее, когда оживает душа, в которой едва теплилась жизнь, как укореняется она в Боге. Видеть преображение – отблески фаворского света на грешной земле. А что переживает духовник, когда гордыня бедственной лжедуховностью пожирает несмысленное чадо.

«Двуногих тварей миллионы, и все глядят в Наполеоны», – частенько комментировал свои впечатления от раз-

говоров отец Иоанн. Как гордому человеку принять и покориться зову духовника смириться перед собственной немощью, увидеть себя поверженным, на себе почувствовать, как сила Божия в немощи совершается? Отец же Иоанн не по книгам, но опытом всей своей жизни постиг эту непреложную истину. *«Духовникам и чадам Божиим остается только понять, что сила их не в подвигах, не в учености, но в немощи, которую надо принять как свою спасительницу, примириться с ней, полюбить ее и сознательно принести свою немощь к Стопам Божиим, чтобы в ней начала действовать благодать и сила Божия и возобразился в нас Христос».* Сколько усилий, времени, борьбы за каждую душу предстояло поднять. А бывало и такое: проговорив с посетителем час, он выходил в коридорчик и, вытирая с лица пот, горестно произносил: *«Не достучался».* И это уже из области сугубых переживаний.

До сих пор удивляюсь наполненности жизни батюшки, его терпеливому упорству. С пяти утра и до двух ночи этот несильный телесно человек был на ногах в кипении водоворота жизни страждущих и скорбящих людей. С самого начала служения отца Иоанна у престола душа народная почувствовала в нем своего предстателя пред Богом, почувствовала, что к нему можно обратиться в горе, беде, болезни, и познала, что он помогает. Многие молоденькие девушки-москвички прошли за ним по жизни до старости, до врат в вечность. Всюду, где отец Иоанн появлялся, собиралась толпа. Так было на протяжении всей его жизни всегда. Краснослезитин в своих воспоминаниях о пребывании в лагере описывает исповеди заключенных у отца Иоанна Крестьянкина во время прогулок с ним.

С регентом Виктором Дьяковским. 1982

Вспоминает об отце Иоанне Владимир Кабо, ему было двадцать лет, когда их жизненные пути соприкоснулись в лагере на Черной речке. Пообщаться с отцом Иоанном ему пришлось только год, и этот священник стал ему родным на всю жизнь. *«Встреча с отцом Иоанном сыграла большую, быть может, судьбоносную роль в моей жизни. Этот необыкновенный человек обладал способностью привлекать людей, возбуждать к себе любовь. И это потому, что он сам любил людей. Немного найдется людей, в которых с такой полнотой и силой проявилась бы глубочайшая сущность христианства, выраженная в простых словах: “Бог есть любовь”.*

Человека, способного принять и понести в себе божественный свет, он видел и в закоренелом преступнике. Эту черту

Благословение на брак Н. Горюновой. 2003

отца Иоанна я наблюдал много раз, видел, с какой открытостью, любовью он говорит с профессиональным вором, может быть, с человеком, несущим на себе тяжкий груз прошлых преступлений. В каждом человеке он видел прежде всего человека, стремился разглядеть в нем не его телесную и даже не духовную природу – но то, что делает человека одноприродным с Богом. Достоинство человеческой личности было для него высшей ценностью». Таким отец Иоанн был уже в сорок лет. Почти на исходе своей жизни В. Р. Кабо сказал знаменательные слова: «Два человека прошли со мной по жизни безотлучно – это моя мама и отец Иоанн Крестьянкин».

Приняв отстранение от служения у Престола как волю Божию, он отправился в заключение к другой пастве, к

Благословение паломников. 1999

Беседа с издателем

людям с оголенными нервами, где суровый закон выживания становился проверкой всякого человека. В этой среде отец Иоанн выдержал экзамен на «звание» священника. После нескольких испытаний, устроенных для него лично новой паствой, его стали звать «*наш батя*». За несколько месяцев до окончания Духовной академии Промысл Божий определяет для него ускоренный путь обучения старчеству. Отец Иоанн впоследствии не раз говорил, что его Академия – это лагерь, именно там явилась духовная опытность, которая, соединившись с его образовательным базисом, дала российской пастве старца для нового времени, для нашего времени.

Люди с искалеченной судьбой остро чувствовали в незнакомом священнике притягательную силу и тянулись к нему. Не забыть мне и как на опушке леса в эстонском поселке ждали встречи с девяностолетним старцем, отцом Иоанном, мужики, потерявшие в жизни ориентиры, – пьяницы и изгои общества. Они поджидали выхода батюшки на вечерние прогулки по лесу. Когда он появлялся, один из них отделялся от этой жалкой компании и устремлялся навстречу.

Батюшка движением руки отправлял нас вперед. Отойдя на почтительное расстояние, оглядываясь, мы видели трогательную сцену. Отец Иоанн, склонившись, целовал голову стоящего перед ним на коленях бедолаги, и между ними начиналась неслышная никому длительная беседа. И в этот момент живо воскресала во мне память о беседах митрополита Иоанна с бомжами в Ярославле. Так были похожи единокровием и любовью эти два человека – митрополит и архимандрит. В них зримо светилась сила благодати, сосудами которой они являлись.

Приведу несколько примеров батюшкиных духовнических разговоров. Два брата, одаренные каждый своими талантами, усердно служа ими Церкви, именно на этой почве разобиделись друг на друга. Один из них вдруг отказался помочь завершить работу другому. Обида была немалой, так как приближался праздник и вышитую плащаницу ждали на Урале. Между братьями состоялся нелицеприятный разговор, после чего добрые отношения были нарушены. Поскольку каждый носил в своем сердце занозу обиды, то, естественно, причащаться они не смели.

Приближался день ангела обоих, и по традиции они должны были навестить батюшку, который поздравлял именинников. В назначенное время, не глядя друг на друга, они все же пришли вместе. Отец Иоанн сразу все понял, и началось деликатное следствие. Узнав, что оба уже четыре месяца не причащаются, батюшка всплеснул руками: *«Как в таком состоянии и столько времени вы носите немирствие в душе? Да где вы раньше были, почему не пришли ко мне, своему дедушке, и столько времени тешили врага? Это же его проделки. Да не зайдет солнце во гневе вашем. А если бы один из вас умер в таком настроении, куда бы он попал? А другой, другой до конца дней своих оплакивал бы и брата, и себя. Никогда не забывайте назидательную, горестную историю Тита и Евагрия»*. Отец Иоанн прочитал над их головами молитвы о примирении, после чего братское целование завершило примирение. И только после этого начались поздравления с днем ангела.

Дальше разговор продлился, и собратья задали вопрос: *«А нужно ли всеми этими поделями нам заниматься, если сопровождаются они такими искушениями, ведь все равно*

земля и все, что на ней, сгорит?» Отец Иоанн живо отреагировал: *«Да-да, земля сгорит, а Бог застанет вас в делании ради Бога и для Бога. Пойдут с вами не вещи, но ваши благие дела и намерения, как приношения Богу. След ваших трудов и деланий пойдет с вами. Помните же всегда слова Самого Спасителя: что сделано одному из малых сих, то сотворено Мне. Священники проповедуют с амвона – это слово Божие, а кому-то нужна и более простая проповедь. И каждый может проповедовать своими дарованиями. Одному петь, петь и петь! Петь донде же есмь – это тоже проповедь. Другому столярничать. А искушения – вещь ценная, в них познаем себя истинных»*.

И братья пели не только в церкви, но и у батюшки на все праздники, когда он перестал ходить на службы, пели ему и на все его памятные дни. А один из них, столяр, своими руками сделал батюшке ценный подарок – дубовый аккуратный гробик, который был поставлен на шкаф и постоянно находился в поле зрения отца Иоанна.

Батюшке часто задавали вопрос на животрепещущую для монахов тему – об Иисусовой сердечно-умственной молитве. Отец Иоанн, как опытно прошедший эту школу, где сама жизнь уже ответила ему на этот вопрос, видимо преобразался. Привожу один из таких разговоров. *«Для такой молитвы, дорогие мои, необходимы три важных условия: нужно стяжать тишину в голове, тишину в сердце и тишину вокруг себя. Если хоть одно из этих условий нарушается, то умно-сердечная молитва невозможна. Тишина в голове – это совершенное отсутствие помыслов; мир и покой – в сердце, который приходит только с очищением его от страстей; и полное, полное безмолвие вокруг нас»*.

Весь этот разговор отец Иоанн сопровождал жестами, одной рукой он коснулся своего лба, обеими руками – сердца, и, широко разведя руки, обвел окружающее пространство. *«Ничего этого у нас нет, а значит, нам, други мои, доступна пока только словесная молитва, вот о ней и не забывайте. Молитесь, как можете, как умеете, главное же, чтобы молитва исходила из сердца и была искренняя. И для умно-сердечной молитвы, деточки, надо еще на кресте повисеть, да не день и не месяц, но сколько даст Бог. Старец Серафим (Романцов) был распят всю жизнь. Он получил умно-сердечную молитву, в шестнадцать лет, вкусил сладость духовной жизни, проникся ею, потеряв вкус ко всему земному. Это был Божий дар, предваряющий многотрудный жизненный путь. Но дар отошел. И от юности до глубокой старости жил отец Серафим памятью о прочувствованном. А вернулась умно-сердечная молитва к нему за неделю до смерти как награда за верность Богу в страданиях всей прожитой жизни. Страдания же были немалые: заключение в концлагере, двенадцать лет пустыничества на Кавказе. Молитва сердечная явилась в такой силе и полноте, что старец, испытав в ней касание иного мира, сказал, что жить на земле больше не может. Мы же пока и малейшей обиды потерпеть не можем, так что до умно-сердечной молитвы нам еще очень и очень далеко».*

Многие насельники замечали, что отцу Иоанну не надо было много говорить, но было достаточно посидеть с ним рядом. Не на уровне рассудка проходило общение с батюшкой, душа открывалась, и казалось, что в тебя закачивалось что-то важное, чего ты сам не понимал, но что со временем открывалось, как важный ориентир в жизни. И это было следствие

бытия батюшки в другом измерении. Он видимо прозревал всю ситуацию твоей жизни в настоящий момент.

Один из иноков затаил помыслы об уходе из монастыря, чего не скрылось от духовного взора отца Иоанна. Под благовидным предлогом батюшка послал меня за ним. Не подозревающий, что тайные помыслы его не тайна от Бога и не тайна от Божьего человека, инок пришел и был встречен словами: *«А кто меня хоронить будет? Вы мои дети, вы мои внуки, и я хочу, чтобы вы проводили меня туда, где уже я буду встречать вас».* Инок вспоминает: *«Как гнойник прорвался в сердце у меня».* А батюшка продолжил: *«Пообещай мне, что ты никуда не уйдешь из монастыря»*, – голос его задрожал, а из глаз потекли слезы. До сего времени помнит инок о своем обещании и бережно хранит верность. *«Преступить слово, данное отцу Иоанну, невозможно»*, – говорит он.

Ответственность за каждую вверившуюся ему душу отец Иоанн проносил через всю свою жизнь. Сколько буйных голов преклонилось под его епитрахиль, открывая ему то, чего, страшась, таили и от себя самих. Двери кельи отца Иоанна открывались для духовно бедствующих невозбранно в любое время. Но как, получив свободу в прощении любящего и сочувствующего тебе отца, устоять и не падать под натиском одолевающей тебя привычки, как обуздать греховный укоренившийся навык, как противостоять врагу уже вполне владеющему тобой? И снова это «как» мучительно приносилось к отцу Иоанну.

Вспомню об одних исключительно личных отношениях батюшки с одним из насельников монастыря. Его путь по ухабам жизни начался в Москве. Когда там стало для него небезопасно, он устремился в тундру, за что получил прозва-

ние Чукча. Живой, увлекающийся впечатлениями бурной и необузданной жизни в водовороте страстей, он дожил до того, что грех достиг такой остроты, что стал для него невыносим. И он оказался у врат монастыря. Таким он и пришел к отцу Иоанну. Почти двадцать лет между ними выстраивались отношения. И не вдруг отступал порочный круг. Сила привычки и натиски вражды не давали духовному труднику вырваться на свободу. Но присутствие батюшки с удивительной осязательностью действовало на него, защищало его от самого себя и от посторонних недоброжелателей.

По воспоминанию его, он больше внимал даже не словам батюшки, а тому необычному, что рождалось в душе в присутствии отца Иоанна. Но когда отец Иоанн отъезжал на уединение, трудник умудрялся возбудить против себя недовольство отца наместника, не вписываясь в рамки монастырской дисциплины. Ко всем своим особенностям, он был еще и носителем сердобольного сердца и не умел никому сказать «нет» на просьбу о помощи. И однажды в 2003 году в отсутствие батюшки суровый приговор об изгнании нарушителя был озвучен. Через несколько дней у провинившегося был день ангела, и после обеда он влетел в келью отца Иоанна с радостным воплем: «*Батюшка, амнистия мне вышла. Отец наместник тепло поздравил меня*». Отец Иоанн горько улыбнулся и произнес: «*Амнистия-то вышла, а чемодан-то собери*».

Для отца Иоанна начались дни, исполненные напряженных дум и молитв. Но скоро слышал Господь молитвы батюшки. Неожиданно на пороге его кельи показался наместник Соловецкого монастыря архимандрит отец Иосиф, и проблема, занимавшая батюшку, была решена. Поговорив с

Решение спорного вопроса. Конец 1990-х

гостем, прощаясь, отец Иоанн высказал свою просьбу: «*Отец наместник, дорогой, а Вы не возьмете от меня человека?*» Тот живо откликнулся: «*Да я от Вас, батюшка, разбойника приму*». – «*Да-да, это и есть тот самый разбойник*». Так определилась дальнейшая судьба человека, совершающего в своей жизни истинный подвиг борьбы за свою душу. Не мог отец Иоанн отпустить его в никуда, он передал незрелое свое чадо в надежные руки.

Пастырские mreжи отца Иоанна бывали иногда так просты и незамысловаты, что их духовную силу и действенность не подозревал человек, который улавливался ими. Из Питера по

делам ехала к отцу Иоанну иконописец. Испытав уже на себе духовное влияние батюшки, она пригласила поехать с собой доктора, у которого лечилась. Та, самодостаточный, деятельный человек, руководитель отделения в больнице, какое-то время активно сопротивлялась, согласилась же с условием, что принимать участие в разговоре не будет, но только посмотрит древний монастырь и этим ограничится.

На привале в лесу между путницами состоялся ничего не значащий разговор о чаепитии. Докторша оказалась любительницей зеленого чая, но сетовала, что не может приобрести для него заварного чайника, который был бы предназначен именно для этого сорта. Поговорили и забыли о разговоре. Благополучно прибыв в монастырь, путницы отправились к отцу Иоанну; иконописец решила с батюшкой свои проблемы, и он стал хлопотать о подарках для гостей. Видимо, никакого особого впечатления на докторшу отец Иоанн не произвел, она деликатно, но упорно держалась намеченной программы.

Я металась по келье, собирая гостинцы. По моим ощущениям подарков было собрано больше чем достаточно, а батюшка все продолжал требовать чего-то еще. *«Ищи, ищи!»* Но что и где искать, для меня было неясно. В смятении я открыла шкаф, где висели подрясники, мне попала на глаза небольшая запечатанная коробка. Не зная, что в ней, я подала ее отцу Иоанну. В ней оказался заварной чайничек зеленого цвета, который отец Иоанн с торжествующим видом преподнес госте. И надо было видеть ее реакцию на подарок. Так, без единого слова, зародились духовные отношения отца Иоанна с еще одним человеком. Не Бог ли послал для особого случая и для особого человека этот незамысловатый предмет? Позднее

в больнице, в кабинете доктора, я увидела на самом видном месте портрет батюшки. По ее свидетельству, она не выходит на операции, не взяв у него благословения. По настоянию отца Иоанна ею писалась диссертация, чтобы не пропал богатый профессиональный опыт для последующих поколений.

Так, всего-то-навсего понадобился только зеленый заварной чайник для зеленого чая, чтобы открылось духовное зрение человека. Дивны дела Твои, Господи! Простая и трогательная история великих возможностей Промысла Божия. Как среди зимы в келье Божьего старца преподобного Серафима вырос куст малинки, для того чтобы восставить от духовного нечувствия архиерея, так в наше время невесть откуда в шкафу отца Иоанна, нашего современника, появляется заварной чайник, через который человек пробудился к восприятию духовной жизни и духовного мира. Это ли не свидетельство, что Христос и днесь и во веки тойжде.

А вот история, начавшаяся в мае 1986 года и получившая продолжение и завершение в 1992 году. Ранним утром 6 мая, это был вторник пасхальной недели и праздник Великомученика Георгия Победоносца, день, когда после зимы впервые выгоняли на пастбище коров, я пришла к отцу Иоанну. На мое радостное пасхальное приветствие он ответил как-то скороговоркой и с тревогой спросил, что там, в монастыре, случилось, как отец наместник? Пробираясь в келью, никаких волнений я не заметила и меньше всего желала встречи именно с наместником, поэтому благодушно ответила, что солнце радуется Пасхе, и все мы тоже. На повторное *«Христос Воскресе»* отец Иоанн ответил пободрее, но вместо того, чтобы говорить о делах, сел на диванчик и начал рассказывать о видении, посе-

тившем его за несколько минут до моего появления.

Ему предстал сразу весь монастырь в небесном сиянии и радости, золотом горел Успенский собор. На этом торжественном фоне по направлению к хозяйственным воротам чинно при полном параде шествовал отец наместник. Через мгновение за его спиной появился черный клубок, принявший очертание грозного зверя неведомой породы, стремительно полетевший вслед. Несколько скачков, и зверь сомнет наместника. Отец Иоанн кинулся к иконам, в этот момент стук в дверь прервал видение.

Чтобы убедиться, что в монастыре действительно ничего страшного не произошло, отец Иоанн сам пошел узнать, все ли в порядке. Вернулся он скоро, но тревога не оставила его; несколько раз перекрестившись, он поспешно выпроводил меня. Когда вечером я принесла письма, батюшка опять вспомнил об утреннем видении с благодарностью Богу, что это было просто бесовское страхование и пасхальная неделя ничем не омрачилась. Больше об этом ни поминания, ни разговора не было.

Прошло несколько лет, и однажды эту историю неожиданно для себя я услышала от иеромонаха Иоасафа. Не помню, по какому случаю между нами возник разговор об отце наместнике, которого уже давно не было в монастыре. В 1988 году он стал архиереем и служил на Дальнем Востоке, но мы хорошо и довольно часто поминали его, ибо прошли под его руководством серьезную школу. Почему-то отец Иоасаф стал рассказывать историю давно минувших дней, связанную с наместником, и озвучил то, что я слышала от отца Иоанна. Я взвилась: *«А ты-то откуда знаешь об этом видении батюшки?»* – *«Какое*

еще видение? Я видел все это своими глазами», – ответил он.

Приведу его повествование. Иеромонах был тогда еще послушником Александром и с раннего утра дежурил на будке хозяйственных ворот. День был праздничный, выгоняли на пастбище стадо. Отслужили молебен, покروпили скот. Торжественно проследовали за пастухом коровки, а с быком вышла заминка, долго возились, освобождая его от привязи, и он не просто заволновался, но разъярился. Когда же почувствовал свободу, вихрем вылетел из коровника, так что на повороте зад его занесло. Все присутствующие мгновенно разбежались подальше от греха, и один отец наместник, ничего не подозревая, благодушно шел к воротам.

В ужасе Александр закрыл лицо руками, ожидая, что неминуемо будет забрызган кровью. Он услышал топот промчавшегося мимо животного и открыл лицо. Наместник, привалившись к стене, в недоумении смотрел во след промчавшемуся быку. В последний момент его буквально как пушинку, а он был тучный, какая-то сила отбросила к стене, и он остался жив. Узнал ли отец наместник впоследствии, кому обязан спасением? Дивен Бог! А знания двух человек: одного – о видении, другого – о действительности, – встретились только через шесть лет, чтобы напомнить о силе молитвы, которая и от смерти может избавить, и со дна ада достать человека.

И еще один эпизод вторжения потусторонних сил, свидетелем которого я невольно стала, придя в келью в момент переживаемого отцом Иоанном события. В один из будних летних дней у отца Иоанна была назначена встреча с паломниками в монастырском саду, и он в ожидании назначенного времени мирно писал письмо брату. Неожиданно его внима-

Братская беседа. 1998

150

Успение Пресвятой Богородицы. 2000

Обсуждение книги о. Александра (Васильева). 1998

151

ние привлек необычный звук за окном, он обомлел от увиденного. Напротив окна на газон приземлился невиданный доселе летательный аппарат, и из него показались три господина. Высокие, подтянутые, во фраках, с цилиндрами на головах. Они дружно развернулись и пошли по направлению к Лазаревскому корпусу. Душу отца Иоанна сжало мрачное предчувствие. Зловещие фигуры скрылись за дверью.

Помолившись, батюшка попытался отстранить тревожное впечатление, вышел из кельи. В монастыре было спокойно, но душевная туга не проходила и сопутствовала ему весь день. Только ночью он получил разъяснение виденному днем. В корпусе, куда проследовали прилетевшие, жил иеромонах Палладий. Вот к нему-то среди ночи и пожаловали приземлившиеся днем посетители. Но теперь они пришли без внешнего лоска, в своем истинном виде.

Из окна на него повеяло адским смрадом, и наводили ужас ненавистью горящие глаза «эффиопов». В корпусе было два выхода, и иеромонах опрометью бросился спасаться бегством. Среди ночи он вломился в батюшкину келью и без сознания рухнул на диван. До утра отец Иоанн приводил иеромонаха в чувство, помазывал елеем, кропил крещенской водой, читал над ним Евангелие. Придя в себя, отец Палладий рассказал отцу Иоанну о ночных посетителях, о тех, кого батюшка увидел днем.

Иногда я невольно становилась свидетелем отношений отца Иоанна, длящихся во времени, свидетелем того, как отец Иоанн без слов выражал свое отношение к происходящему с человеком. Вот одна такая история, растянувшаяся на десятилетие. Молодой человек, приняв священнический сан, приехал к отцу Иоанну. И надо было видеть, с какой радо-

стью и любовью приветствовал тот рождение нового собрата. Разговор о благодатных впечатлениях и переживаниях самого ставленника перешел к воспоминаниям былого.

Вспомнить отцу Иоанну было что, шел сороковой год его священства. На стене кельи как реликвия висела ставленническая грамота, врученная ему в 1945 году Святейшим Патриархом Алексием I, в которой подробнейшим образом были изложены правила и обязанности священнического служения. Печать и подпись Святейшего потускнели от времени и от солнца, но не потускнели воспоминания старца. Преклонив свою голову к груди юноши, стоящем на пороге новой жизни, отец Иоанн развертывал перед ним опыт своего священнического служения, опыт жизни, где верность и доверие Богу проверялись самим Промыслом Божиим, где радость познания пути Божия сменялась горечью своих ошибок и терпением назидательных наказаний. И все это был бесценный опыт богосыновства. Долгая беседа кончилась вручением молодому батюшке ценного в глазах отца Иоанна подарка – священнической епитрахили с поручами.

Но жизнь сложна, и не всегда, и не все безболезненно, не спотыкаясь, проходят по ее ухабам. Так, не устоял и этот молодой священник. Через несколько лет своего служения он пошел искать Истину вне Церкви, в которой в свое время принес обет верности Богу. Узнав об этом искушении, отец Иоанн сокрушенно произнес: *«Кто после найденной истины ищет чего-то еще, тот ищет лжи»*. А скорбящим и смущенным чадам оступившегося, ринувшимся за разъяснением ситуации к отцу Иоанну, в назидание он пояснял о необходимости послушания Матери Церкви, о том, что искушения,

которые настигают многих в Церкви, это грех не Церкви, а наши человеческие грехи против Церкви.

«Надо всем вам и батюшке вернуться вспять и восстановить в себе живое отношение к заповеди послушания. Только тогда на примере своей жизни увидите чудодейственность Божиих великий». А поскольку чада священника были совсем юные, батюшка не жалел ни времени, ни сил, чтобы смягчить силу пришедшего на их головы соблазна. Он разъяснял им, что сама жизнь начинает воспитывать нас с послушания родителям, потом – старшим, затем – начальствующим, а послушание Матери Церкви – это послушание Самому Богу. Подводя итог всему сказанному, говорил: *«Своеволие и своеумие рождают безумие».*

Священник же, отошедший далече, так и остался гулять по той бесприютной стране. Сначала искал счастья в Зарубежной церкви, еще до воссоединения церквей, потом перешел в катакомбную, потом еще и еще в какую-то тайную, по горькому слову отца Иоанна: *«стал священником “шатовой пустыни”».* В некоторый момент своих странствий в погоне за призраками он решил возвратить полученную от отца Иоанна епитрахиль. *«С любовью дарил, с любовью принимаю дар обратно»*, – только и произнес батюшка. Через некоторое время священник приехал в монастырь и ждал батюшку у кельи, но, судя по реакции отца Иоанна, был далек от покаяния. Отец Иоанн, проходя мимо него, заложил руки за спину и произнес: *«Простите, я не могу Вас приветствовать».* Что стоило ему произнести эти слова, как сердцу забыть о первой любви некогда светлого юноши? Бывали и такие переживания у отца Иоанна. Молиться же о блуждающем батюшка не переставал до конца дней своих.

Как письма, так и встречи с людьми были уделом отца Иоанна до последнего дня его жизни. Но манера общения, стиль разговора и его поведение всегда соответствовали внутренним духовным потребностям человека и его духовному возрасту. Для отца Иоанна не было ни первых, ни последних духовных чад, не было и чужих. Независимо от возраста всех он воспринимал как своих детей. Все были его «деточками». Он пытался каждого научить слышать и слушаться Божиих определений о нем. *«Доверься Богу, Он плохо не сделает, но уж если не понимаешь, о чем говорю я, то послушайся хоть меня»*, – говорил он, когда предвидел сокрушительные последствия нашей самости.

Совсем особенное впечатление производили слова отца Иоанна, когда он, провидя скорую кончину посетителя, ласково и деликатно начинал говорить ему: *«А нам с Вами приходит пора все раздать теплыми ручками, теплыми ручками».* Если на его слова не обращали внимания, он повторял их несколько раз, добиваясь от посетителя осмысленного отношения к жизни, или дарил ему предмет, который мог навести на размышления о сказанном. Так, вопреки своему желанию он иногда вынужден был приоткрыть свои тайные знания о человеке. Для нас же это был проверенный самой жизнью знак о близком будущем человека.

Много поразительных встреч до сих пор сохраняет моя память. Рано утром на пороге кельи появилась монахиня Пюхтицкого монастыря Евстафия, некогда духовное чадо старца Симеона, с которой и у отца Иоанна были уже давние духовные отношения. Вопрос один, когда примет батюшка? Зная склонность матушки к многословию, отец Иоанн назначает встречу

С отцом Александром (Васильевым). 1998

за час до отправления автобуса на Пюхтицы, давая понять, что к разговору надо подготовиться и дорожить его временем и своим. На лице матушки неудовольствие. Начинается распря со мной о времени приема, но я опытно знаю, это бесполезно, мои просьбы не изменят решения отца Иоанна, в такие моменты он бывает неумолим. Мне остается терпеливо выслушать протесты и возмущения. Дальнейшее идет по плану отца Иоанна.

В назначенное время приветливо распахивается дверь кельи пред почтенной и опытной монахиней. И тут происходит нечто неожиданное. Батюшка усаживает нас обеих одесную и ошуюю рядом с собой на диванчик. Обычно во время приемов я занималась делами, и теперь я в недоумении. Зачем и при чем здесь я? Начинается разговор, но оказывается, что он касается непосредственно меня. Матушка с жаром начи-

После обедни на всех российских святых. 2000

нает подавать жалобу на келейницу, которая, не понимая духовной монашеской жизни, дерзает вмешиваться в личные отношения батюшки с монахиней. Попытка отца Иоанна перевести разговор в деловое русло заканчивается неудачей, и он умолкает, давая возможность монахине самой распорядиться временем приема.

Полчаса длится монолог. Молчит батюшка, молча выслушиваю и я суровые нарекания. За пятнадцать минут до отправления автобуса на Пюхтицы отец Иоанн оживленно поднимается, устремляется к иконам. *«Матушка, матушка, дорогая, осталось время только дойти Вам до автобуса»*. Все! Показательный прием окончен. Ласковые проводы, помазание, кропление, подарки, но основное, конечно, духовный урок-назидание, который был осмыслен только по дороге домой и не прошел для матушки Евстафии даром. Таких приемов больше у нее не повторялось. Ибо всегда было, что спросить у духовника о своей внутренней жизни. У нас же с матушкой сохранялись близкие, доверительные отношения до конца ее дней.

Вот еще показательная встреча. Я выхожу из кельи, в коридорчике ожидают приема двое. По виду посетительниц оцениваю ситуацию. Женщина, скромно жавшаяся к стенке, и молоденькая монахиня у самой двери батюшкиной кельи. На лице монахини нетерпение и досада. Она недоброжелательно поглядывает на женщину, всем видом давая понять свое преимущество перед ней. Похоже, что ее медовый месяц монашества кончился, и началась школа с уроками духовной жизни, изобилующей искушениями. И сейчас монахиня несет к старцу неподъемный груз накрывших ее скорбей. К радости одной и вящему неудовольствию другой, обеих вместе приглашаю в келью.

Батюшка стоит в переднем углу перед иконами. Он вслух обращается к Святому Духу и затем, повернувшись к пришедшим, истово благословляет каждую. Усаживает справа и слева от себя и, обратившись к женщине, задает ей вопросы: *«Ну, что, матушка, как мы живы? Все пьет и бьет, и детей по-прежнему гоняет благоверный-то?»* Женщина, смущенно потупясь, начинает благодарить отца Иоанна за молитвы. Оказывается, запой супруга стали пореже, и рукоприкладство пока прекратилось. *«Да еще радость-то какая, ведь он со мной раза два уже в церковь сходил»*. На глазах показались слезы умиления за те крохи, которыми утешает ее Господь.

За время этого разговора я вижу, как меняется выражение лица монахини, исчезло вызывающее, напряженное выражение глаз. Исчезла важность. А когда пришло время ей беседовать с отцом Иоанном, рядом с ним уже сидела девчушка, которая, прижавшись к его плечу головой, по-детски всхлипывала, и по лицу ее текли слезинки. Дрожащим голосом она поведала, что ее никто не бьет и у нее-то все хорошо. Вот только матушка игумения не любит, да и среди сестер нет ни одной по духу.

Пошептавшись некоторое время на ушко с монахиней, отец Иоанн достал из шкафа тоненькую книжицу и вручил ее монахине: *«Вот для тебя первое Добротолюбие»*. Это была сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке». Вслух же произнес: *«Мы с тобой путь в монашество начнем с этой книги, будем учиться благодарности Богу за все и терпению. Этого пока тебе и достаточно. Подарок мой поставь на видное место и поглядывай на него, а то, неровен час, не стать бы тебе игуменией, минуя монашество»*.

Человеческая верность Богу созидает всю нашу последующую ЖИЗНЬ

Пример чуда Промысла Божия, явленного через отца Иоанна, как подтверждение слов самого батюшки: *«Я вам не простые слова говорю, но программу на всю жизнь. Человеческая верность Богу созидает всю нашу последующую жизнь»*. Эту историю отец Иоанн приводил, когда кто-то начинал разговор о возможности мнимого отречения от веры ради будущего благополучия в жизни.

Талантливая студентка факультета электроники из Рязанского радиотехнического института, духовное чадо отца Иоанна с восемнадцати лет, Лия Мизгирева сдает на последнем курсе экзамены. По всем дисциплинам у нее «отлично»

без натяжки. Последний экзамен – по атеизму. Преподаватель знает особенность ее мировоззрения, она не таилась, что верующая. А идут богоборческие шестидесятые годы. Несмотря на исчерпывающие ответы на все вопросы студентки, он задает ей вопрос о личных взглядах на религию и удовлетворенно ставит двойку с предупреждением, что пока она всенародно не засвидетельствует отказ от заблуждения, другой оценки ей не будет.

Начинается кампания по перевоспитанию, публичные обсуждения, вызовы в деканат, к ректору. Не гнушаются запускать исключением из института с волчьим билетом. Все это громко, с публикациями, с отчетами о проделанной работе, вслух: *«отрекись»*, а в беседах один на один, шепотом, совсем другое: *«в душе веруй, а когда получишь диплом, помашешь им и во всеуслышание заявишь: “А я верующая, верующая”»*.

Что происходило в душе Лии? Представить не трудно, на весах лежало будущее. Но рядом были мама – человек глубоко верующий, и отец Иоанн, который уже прошел испытание на верность Богу. Он словами Евангелия ответил на вопрос Лии: *«Кто отречется от Меня пред людьми, того и Я отрекусь пред Отцом Небесным»*. *«Если не будем отступить от Бога, то и Бог не отступит от нас. Доверимся вере, а Бог плохо не сделает. Выбирай, деточка»*. Выбор был сделан. Лия засвидетельствовала, что она раба Господня. Седьмого февраля приказ об отчислении был подписан. Ректор росчерком пера исключил из института готового специалиста по такой новой нужной специальности. Человеческое было исполнено с обеих сторон.

Главный экзамен на верность Богу Лией был сдан, и для нее открывался новый этап жизни. Промысл Божий начал Свое чудодейственное творчество. Неожиданно пришло изве-

Молодожены иерей Дамиан и Лия Круглик

С отцом Дамианом Кругликом. Печоры. 1972

стие, что в Ленинградском политехническом институте имени Калинина на кафедре электроники профессор совершает спецнабор студентов для разработки новой темы по лазерной технике. Отец Иоанн благословил туда поехать.

Встреча с профессором состоялась. Ознакомившись с документами и задав ей несколько профессиональных вопросов, он пошел к ректору решать вопрос о зачислении Мизгиревой. Но, судя по дальнейшим его действиям, уверенности в положительном решении этого вопроса у декана не было. Показывая аттестат исключенной из института студентки, он не очень распространялся о ней, только несколько последних строк документа предусмотрительно прикрыл ладонью: «*Смотрите,*

какую отличницу берем». Ректор в подробности не вдавался, поставив резолюцию *«Принять»*. Через «первый отдел» документы Мизгиревой тоже прошли чудом. Такова сила и власть Промысла Божия.

Год проучившись в этом высоком по значимости институте, она вместе с дипломом получила и распределение на работу в Москву в НИИ. Но и еще раз за это время ей пришлось доказать свою покорность всемогущему Промыслу. В академической церкви, куда она ходила по праздникам, не один юноша посматривал на скромную милостивую девочку. И ее сердечко однажды откликнулось волнением. А как же наука, к которой были давние устремления? Как понять, что хочет от нее Господь? В будущем кто она, престижная ученая жена или просто жена священника?

Благословение отца Иоанна умирило возникшие было смущения. После получения диплома она стала невестой, а чуть позднее и женой. Так, рязанская девушка и украинский юноша волею Божией должны были встретиться, чтобы вместе служить Богу. Они стали москвичами. А я была свидетелем того, как отец Иоанн поставил точку на научной карьере своей духовной дочери. В келье батюшки появилась Лия, перед ней стояли лесенкой ее детки, их было трое. Отец Иоанн театрально раскланялся с пришедшими и, широко раскинув руки, весело произнес: «Вот приехала матушка Лия и вся ее физика». Бог поругаем не бывает.

Умение слушать, слышать и слушаться

Промысл Божий начинается в нашей жизни с самого дня рождения, и ни одного дня невозможно выкинуть из прожитого, все они идут в копилку нашего жизненного и духовного опыта. Но если мы своими самостью и вероломством вторгаемся в волю Божию о нас, то это наш выбор и наша ответственность за него. Промыслом Божиим даже и трагическое не исключается в школе жизни. *«Я хочу поведать, как под руководством старца, благодаря его духовному опыту, святым молитвам и трудам человек меняется»*, – такими словами начал свои воспоминания об отце Иоанне ученый муж. Не буду называть его имени, он успешно трудится на пользу родины и сейчас представляет лицо российской науки за рубежом.

Успение Пресвятой Богородицы. 1995

166

Справляем архиереем архиепископом Евсевием. 2004

167

Перед всенощной на Троицу

Для будущего ученого все начиналось прозаично, как у всех. Школа, институт, молодежные тусовки. По собственному его свидетельству, в какой-то момент он понял, что оказался на краю пропасти, расстроив и душу, и тело. Такое открытие потрясло до последних глубин, и в этот трагический момент в душе юноши раздался зов Божий.

Начались судорожные поиски для себя другого пути, пути к Богу. Но как типично русский человек без предела во всем, он шарахнулся от грешной жизни в праведную и скоро почувствовал свое бессилие. Куда идти, как идти? Эти вопросы привели юношу к дверям кельи отца Иоанна. На стук вышла я,

он молча подал письмо, которое тут же стал читать батюшка. Но скоро прервал чтение вопросом: *«А ты хоть обратила внимание на того, кто вручил тебе это письмо»*. Я ответила: *«Молодой человек с живыми умными глазами»*. – *«Зови его сюда, ведь он, ни много ни мало, мечтает стать российским императором»*. Так начались еще одни длительные духовнические отношения, в которых юноша возрос и состоялся как православный человек и ученый.

Разговор был недолгий. Управление Россией оставили Царице Небесной, а студент получил первое жизненное послушание с отличием окончить институт. *«Когда я впервые попал в келью к отцу Иоанну, ничего не запомнил, не услышал и не понял, кроме того, что здесь святое место, что здесь я найду ответы на все свои вопросы. Почувствовал только безграничную любовь Божию, явленную мне через старца»* – таким он вышел из кельи.

Отец Иоанн сразу понял суть болезни в человеке его посетившем, это была прелесть бесовская, которая со всей возможной силой уже развернулась на религиозной почве. Уйти от греха – это значит освободиться от опеки врага, но не вдруг оставляет он свою жертву. Самовольное подвижничество обернулось *«игралищем бесов»*. И первое, с чем пришлось соприкоснуться духовному отцу в борьбе за эту душу, это полное отсутствие способности юноши слушать, слышать и слушаться. Так, в процессе общения определилась первоочередная задача – научить человека слушать и слышать.

«Я пережил многие умственные вражеские искушения. И в этой брани выжил только благодаря святым молитвам отца Иоанна» – свидетельствует юноша. Со временем программа

прояснилась еще более серьезная – пройти путь, начиная от умения ценить саму жизнь до христианского отношения к ней, и как венец всего – научиться любить людей, нас окружающих, независимо, верующие они или нет, грешные или праведные. Медленно, но верно шла учеба в этой неаккредитованной школе. Когда диплом с отличием был получен, отец Иоанн дал ему новое послушание, писать диссертацию. И эта работа, растянувшаяся на годы, была выполнена. Приехав с отчетом, уже на пороге кельи ученый услышал от батюшки: *«Ж., я писал эту диссертацию вместе с тобой!»*

«Как чуткий доктор, своей целительной молитвой, постоянным вниманием и сердечной памятью выхаживал отец Иоанн меня многие годы. Его молитвами понемногу я все же пришел в такое устройство, при котором следование воле Божией доставляет радость и утешение. А последний завет мне от старца: «Ж., надо так жить, чтобы и в сердце, и в уме всегда был Бог!» – «Скажу о главном завете отца Иоанна – о вере в Промысл Божий, ведущий человека ко спасению. Эта мысль часто согревает, утешает и направляет меня в теперешней жизни...» – пишет ученый.

Господь мог бы и хотел спасти нас без скорбей, да мы-то без них спастись не умеем

Я выхожу на стук в дверь кельи. Передо мной женщина, на которой нет лица, будто смерть уже прикоснулась к ней. Пустые глаза без зрачков, смотрящие в никуда. Осторожно, чтобы не приложить боль к боли, задаю вопрос. Односложный ответ, и я немею от ужаса. Как и чем утешит ее отец Иоанн? Возвращаюсь к батюшке, в нескольких словах говорю о посетительнице. И слышу: *«Скорее, скорее веди ее сюда»*. Отец Иоанн встречает пришедшую в дверях кельи, тут же благословляет и ведет за руку в передний угол к иконам. На некоторое время водворяется какая-то особая тишина. Отец Иоанн разговаривает с Богом. Опять благословляет женщину и в

нарушение традиции еще до начала разговора помазывает ее освященным елеем, усадив на диван, кропит крещенской святой водой. Все происходит в полном молчании. Совершив сакраментальное действие, садится рядышком с посетительницей и, склонившись к ее уху, тихо произносит: *«Матушка, дорогая, а ведь если бы этого не случилось, ты бы за ручку церковной двери не подержалась»*. Так начинается общение.

Женщина с трудом выходит из сковавшего ее горя. *«Доченька девятилетняя оставила записку: “Мамочка, ты меня больше никогда ругать не будешь”, – и выбросилась из окна с десятого этажа»*. Несколько слов, проясняющих ситуацию, причина безумного поступка – разорванные новые кроссовки. Отец Иоанн решительно прерывает рассказ. Начинает говорить сам.

«Такой дорогой ценой взysкивает Господь души для вечности. С ребенка спросу нет и не будет, она фактически младенец, ей ничего не было дано, кроме современных модных тапочек, чтобы была не хуже других, чтобы была как все. Этим горем Господь вошел в Вашу жизнь, прикоснулся к душе, пробуждая в Вас понятие о ценности жизни и о вечности. Молитва о дочери и о себе станет утешением для Вас до конца дней в этой жизни и откроет дверь в жизнь вечную, где Вас встретит дочь. Ваше прощание с ней временное. Господь мог бы, да и хотел спасти нас без скорбей, да мы-то без них спастись не умеем». Не видим ли все мы, что и самое трагическое нельзя исключить из Промысла Божия, ибо так возлюбил Он человека, что борется за его душу до последних, казалось бы, самых невозможных возможностей, страданием отрывая укоренившихся, приросших к земному, заставляя их возвести глаза и ум к небу.

Некоторые особенности духовнических отношений отца Иоанна

Воспитание духовного чада не предполагает лицепрятия, и духовные уроки отца Иоанна продолжались на протяжении всего времени общения с ним, всех обращающихся к нему за советами. За двадцать пять лет моего пребывания рядом с отцом Иоанном только пять раз видела я, как неумолимо отстранился он от продолжения своего общения с человеком. И запомнила я те случаи только потому, что это было так необычно для отца Иоанна. Он всегда и всё прощал, снисходя к человеческой немощи, понимал и снисходил и к глупости, и к вознесшейся гордыне, предавая и то и другое Господу, за одних умоляя о вразумлении, на других подавая жалобу

все Тому же Богу. Даже предательство по отношению к себе умудрялся понять и оправдать.

Еще в лагерной жизни отец Иоанн познал специфические тонкости духовных отношений. Можно ли было говорить на человеческом языке с теми, кто признавал лишь действие преимущественной силы и насилия? Но и для них нашелся тогда в его духовной аптеке неотразимый язык понимания, безмолвной любви и сочувствия. Признание обозначилось словами: «*Наш батя*». Самые близкие люди, прошедшие за ним со времени принятия отцом Иоанном сана, опекавшие его в суровые годы каторги, не были исключением из общего правила.

Он любил своих самоотверженных духовных чад, но и они не избежали уроков и экзаменов, иногда даже и суровых. Властная, деловая сибирячка Галина Викторовна Черепанова познала все нюансы духовнических отношений отца Иоанна. Став единственным корреспондентом отца Иоанна в лагерный период, она не избежала соблазна вмешиваться в его общение с духовными чадами, которое осуществлялось через письма, адресованные на ее имя. Отец Иоанн тогда ограничивался письменными увещеваниями. А вот будучи на приходе в храме Троица Пеленица, опять за вмешательство в его церковные дела, отец Иоанн на полгода отлучил Галину от общения.

Мне пришлось наблюдать, как осуществлялось дальнейшее шлифование дорогой для батюшки души. Приехав в Печоры рано утром, Галина Викторовна тотчас являлась в келью. Дверь открывалась перед ней без рассуждений. Она терпеливо ждала батюшку, ведь так хотелось сразу повидаться, просто повидаться, хотя впереди ожидалось несколько месяцев жизни рядом с монастырем. Ждать приходилось долго,

первая, буквально минутная встреча происходила с ударом колокола, приглашающего насельников к обеду. Обоюдная радость опять прерывается долгим ожиданием. После обеда кто-то неведомый завладевает и батюшкой, и его временем, и надолго. Минут за десять до вечерней службы появляется отец Иоанн. «Галенька, ты иди отдыхай, а я пойду за тебя молиться». Скорое помазывание и окропление, и отец Иоанн исчезает за дверью.

Конечно же, были потом и серьезные длительные разговоры, но не часто, а иногда повторялись и показательные приемы вроде первого. Отец Иоанн и на словах пояснял нам, что себе не принадлежит, а преимущественное право на его внимание теперь получили последние, утратившие под ногами почву и ориентиры, те, кого посылает ему Господь с перепутей современной жизни. А первые, прошедшие вслед за ним с молодости, не могут претендовать, ибо им пришла пора явить самой своей жизнью то, чему научились.

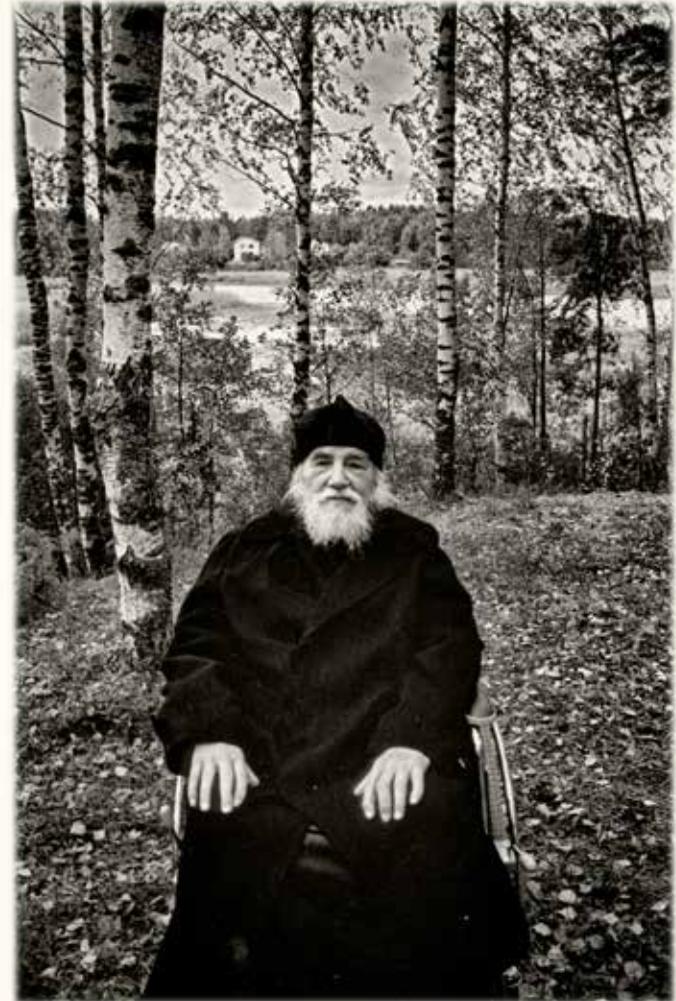
Причину не свойственной ему суровости батюшка сам объяснил письменно: «*Вы не нуждаетесь ни в чем в руководстве, но хотите руководить и управлять не только мной, но и самим Промыслом Божиим*».

Не вдруг происходило конечное определение. Долговременно испытал все свои духовнические возможности и увещевания: «*Дорогой, а не мудрствуешь ли ты своими помыслами, простираясь в то, что тебе Господь не поручал. Оставь же далеко идущие планы*». Но предупреждение проигнорировано, и снова приходят к отцу Иоанну с очередными выдумками, испытывая его терпение. Ответ еще более определенный: «*Простите великодушно, предлагаемое Вами мне не по*

Отдых на Святой горке

духу». А вот отношения явно приближаются к концу: «Я не первый раз в жизни встречаюсь с ситуацией, когда моим именем <...> творят свои личные, корыстные цели». Уж куда яснее выражается отношение отца Иоанна. Услышать бы. Но, видно, духовный разлад зашел далеко и безвозвратно. «Дух подобной деятельности, где много самости, шума и надежды не на Бога, а на человека, да еще с критиканством священноначалия Церкви, воспрещает мне это». И последняя точка в отношениях: «Стало совершенно очевидно и для меня, и, думаю, что и для Вас, что духовнических отношений нет, не было и быть не может. Все это показало, что не я Вами руководил, а Вы активно пытались управлять мной». Это конец.

Последнее лето в Вярска. 2003

О поездках по святым местам

В 1989 году в России после семидесятилетнего перерыва возобновились и начали совершаться первые паломничества на Святую Землю. Многие тогда возмечтали о счастье побывать в Иерусалиме. О духовной готовности к такому паломничеству немало пришлось отцу Иоанну беседовать тогда. В простых словах бережно и нежно он пытался настроить душу собеседника на понимание духовного смысла такого паломничества. *«К Иерусалиму, как и к Афону, надо направляться духовно, молитвенно. За внешним должно открыться для Вас то, что дает славу святым местам, освященным рождением нашей христианской веры, подвигом Спасителя Сына Божия и сына человеческого, осознание и чувствования, что Вы прикасаетесь к истокам нашей веры.*

Надо, чтобы открылось в душе живое ощущение благодатности сих мест, отошло все мелкое, земное, и открылась

историческая масштабность всего происшедшего там. Для нас с Вами Небо сошло на землю, чтобы земнородные взошли на Небо. В сороковых годах в храме Гроба Господня причащался Н. В. Гоголь, и припомните, что произошло в душе его от этого паломничества. Надо, чтобы прикосновение к святыням осветило Вашу повседневную жизнь, и Ваше пребывание в земном Иерусалиме на всю жизнь стало преддверием к Иерусалиму Небесному. Прикоснувшись к Божественному благодатному огню Святой Земли, надо пронести его сквозь свою жизнь».

Первым из монахов о поездке в Иерусалим заговорил эконом монастыря. Но не надеясь самостоятельно получить благословение, он начал уговаривать на паломничество отца Иоанна. Батюшка сопротивлялся, мотивируя тем, что он духовно принимал уже ко всем христианским святыням, везде бывал – и на Афоне, и в Иерусалиме тоже. Отказывался до тех пор, пока ему не сообщили, что из патриархии пришло ему благословение на эту поездку. Естественно, сопровождать старца должен был эконом.

Разговоры прекратились, а мы со страхом наблюдали, как готовились документы. Волноваться были причины. Поездка намечалась на летнее время, и смена климата и жара для восьмидесятилетнего старца не обещали ничего хорошего. Смиренно и кротко выполнял отец Иоанн все необходимые формальности и даже поехал в фотоателье, чтобы сфотографироваться на визу. Теперь этот снимок напоминает нам о тех тревожных днях. Но Промысл Божий в последний момент внес коррективы в человеческие планы, в паломническую поездку поехал один эконом. Наказ ему от отца Иоанна был

краток – вернуться из Иерусалима таким, как Н. В. Гоголь. Но мера у каждого своя.

Паломничества в Иерусалим с тех пор стали явлением частым, и за благословением к отцу Иоанну то и дело подходили люди. Очень скоро батюшка стал проявлять беспокойство. Одной такой поездки оказывалось мало, и признаки сластолюбия свидетельствовали о духовном состоянии людей. Батюшка стал реже давать благословение. Возник разговор о паломничестве в Иерусалим и со мной, когда меня пригласили туда поехать. Отец Иоанн неожиданно возразил: *«А зачем тебе ехать? Мы с тобой уже везде бывали. Ты же всегда со мной»*.

Прикоснуться же к святыням самой хотелось, но пришлось отступить. Однако вскоре последовало повторное предложение, и я услышала неожиданное: *«А чем мы с тобой расплачиваться будем за эту поездку?»* Спонсоров для общецерковного дела батюшка принимал как один из видов спасения души для них. Но к желанию воспользоваться щедростью для себя лично относился отрицательно. Сколько раз мне приходилось бегать по монастырю, отыскивая дародателя, тайно оставившего свою лепту.

От Псковской епархии намечалось паломничество в Иерусалим во главе с архиереем. Монастырские певчие должны были сопровождать группу. Один из ведущих певчих, сознавая свою неготовность к такой поездке, наотрез отказывался, и как к последней мере воздействия на него его привели к отцу Иоанну. Батюшка усадил пришедших, сам сел между ними и стал внимательно и вдумчиво, не перебивая, выслушивать обе стороны. Регент горячо доказывал необхо-

У Корнильевского камня

Отдых после службы

Пасхальная заутреня. 1999

димось этой поездки как для хора, так и для певчего. Когда дошло время высказаться певчему, старец повернулся к нему, положил обе руки ему на колено, превращаясь весь во внимание. Певчий заговорил с не меньшей убежденностью о невозможности сейчас для себя этого паломничества. *«Состояние моего сердца таково, что не даст мне возможность увидеть и воспринять святые места как должно и этим впечатлением отравит душу на всю оставшуюся жизнь».*

Когда все «за» и «против» были выслушаны, отец Иоанн повернулся к регенту и, глядя на него, произнес: *«Если будет воля Божия Вам поехать, то никто не сможет помешать*

Вашей поездке, – потом, развернувшись к певчему, продолжил: – а если воли Божией не будет тебе поехать, то никто не сможет тебя к этому принудить, а документы-то сделайте». Окончил же разговор словами: «Документы оформляйте, остальное же предадим воле Божией».

Промысл Божий скоро прояснил ситуацию. Незадолго до времени отъезда вдруг им вернули паспорта, и паломничество не состоялось. Неожиданно владыку не благословил на поездку залитский старец отец Николай (Гурьянов). Впоследствии пришло известие, что паломников с этого парохода в Иерусалим не пустили. Так ответил Господь на молитвы старца, отец Иоанн видимо прозревал всю ситуацию этой поездки от начала и до конца. А певчему паспорт понадобился вскоре и срочно для поездки на родину, выправлять его было бы некогда.

«Где моя былая удаль?»

Возраст отца Иоанна становился уже не просто почтенным, но близился к тому, что не считаться с ним было невозможно. Тогда отец Иоанн Церковь перенес к себе в келью, совершая все праздничные службы, кроме литургии. Трудновато было на первой неделе Великого поста вдвоем полностью вычитывать службы, не упуская псалтырь. Он составил таблицу чтения псалтири с учетом наших возможностей, и мы с ним прочитывали ее за первую неделю не дважды, как это делали в храме, а один раз. Многие песнопения преждеосвященной литургии он пропевал в келье сам. Я была единственным слушателем его пения: *«Да исправится молитва моя, яко кадило пред тобою...»*

Батюшка не сдавался до конца. На Страстной седмице отец Иоанн один читал двенадцать Евангелий и совершал чин погребения с крестным ходом по келье. Последней его

службой стала всенощная на праздник Новомучеников и Исповедников Российских.

Во внутреннем уединении переживал отец Иоанн посещения его из нездешнего мира. Иногда только по внешнему виду можно было догадываться, что с ним происходит нечто исключительное. На мои осторожные вопросы он с грустью отвечал: *«Сейчас сказать-то многого нельзя при экзальтации и фантазии слушателей. Не научившись жить по-христиански на земле, все норовят сразу на небо запрыгнуть. А мне и без этого теперь часто приходится за ноги с небес стаскивать. Еще и такое бывает, я скажу “А”, остальные буквы алфавита без смущения добавят, и получится, отец Иоанн сказал».* Видимо, именно поэтому нога журналиста-совопросника не переступала порога батюшкиной кельи. И даже при такой его предосторожности появлялись недобросовестные писаки, которые, по слову самого отца Иоанна, вплетали в свою клевету его имя, *«навязывая в ней свое мнение моему имени».*

Подступало время, когда стало вторгаться в его жизнь суровое понятие «последний». Последний крестный ход, последняя пасхальная служба, последнее чтение им огласительного слова Иоанна Златоуста, последняя самостоятельная литургия у престола. Ни тени смущения в духе отца Иоанна и только слова: *«Где моя былая удаль?»* отсчитывали каждый новый жизненный порог. Отец Григорий Секретарев вспоминал, как заканчивал свое служение у престола Божия отец Иоанн: *«Это было в 2001 году, его последняя Пасха в храме. Он посещал все пасхальные службы. Конец Пасхальной седмицы, и все уже устали, а он и утром придет, и вечером придет. А шел ему уже 92-й год. Вот в какой-то момент, полно-*

стью обессилев, батюшка скатился по лестнице, повредив ногу. И тогда сказал он слова апостола Иоанна Богослова: «Егда же состареешься, то ин тя пояшет и ведет, а може не хочещи». В таком напряжении всех сил и воли кончилось предстояние отца Иоанна у Престола Божия».

В 1999 году отец Иоанн прошел свой последний крестный ход на праздник Успения Матери Божией. Сознавая, что в монастырском празднестве может стать помехой братиям, он пошел с келейником вдвоем на следующий день. «Как же не пройти во след Спасителя, Матери Божией и всех святых, освещающих нашу землю своими стопами?» В епитрахили с иконой Успения Матери Божией на груди они не спеша, благоговейно, с чтением канона и пением прошли во след большого монастырского крестного хода.

Последнюю свою Пасхальную заутреню и литургию он прослужил в Благовещенском храме в 2001 году. Монастырское священноначалие благословило послужить ему эту службу за закрытыми дверями. Сослужил ему отец Филарет, двое братьев пели, несколько человек из духовных чад молились. Крестный ход на заутрене был совершен внутри храма.

В 1999 году последний раз прозвучало чтение батюшкой огласительного слова Иоанна Златоуста. Так, шаг за шагом, постепенно вторгались в жизнь отца Иоанна изменения. Пока не пришло время, когда возрастные немощи воспрепятствовали и его постоянному хождению в Церковь. Время служения в храме кончилось для него в 2002 году, но духовничество оставалось при нем до последнего дня земной жизни. Вечером 4 февраля последним припал к нему инок Варух, о котором у отца Иоанна было особое попечение.

На Святой горке за чтением

После отшествия батюшки в мир иной стало даже более очевидным попечение о старце – духовнике Господа. «Наследный дар» отца Иоанна (Крестьянкина) для многих стал руководством в духовной жизни, даже и для тех, кто не застал его живым. Его духовная аптечка из написанных от руки или распечатанных на машинке листочков переместилась в келейные тематические книжицы, пополнилась изданием писем, проповедей. Поток ранее неведомых ему духовных чад в келью бесчислен, и всеобщее мнение, что присутствие отца Иоанна и действие его молитвенного духа здесь ощущимо по сие время. Любовь отца Иоанна продолжает чудодействовать. Иногда придет человек просто любопытствовать, сядет на его диванчик и через минуту начинает плакать. На вопрос: «О чем Вы?» – улыбнется и скажет: «Не вышел бы из этой маленькой келейки. Что-то чудное в сердце творится».

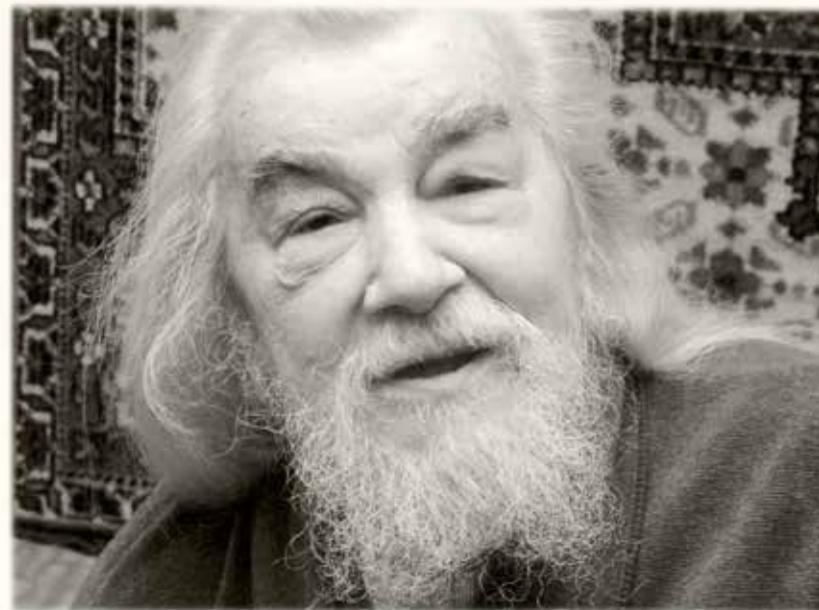
Записи из дневника о последних годах жизни отца Иоанна

Я не застала отца Иоанна в самые трудные периоды его жизни, духовного становления, но так ли уж легок был отрезок его монастырской жизни, длившийся сорок лет? А он при любых обстоятельствах оставался прост, сдержан и независим. Невозможно было заставить отца Иоанна сделать что-нибудь такое, что противилось бы «гласу Божию», который он слышал невозбранно. На желание одного из архиереев заручиться поддержкой отца Иоанна в каком-то деле старец без смущения ответил, что владыка волен и властен решить вопрос на свое усмотрение, но он своей подписи там поставить не может. При этом отец Иоанн никогда не восставал на Церковь и глубоко почитал иерархию и священноначалие, но делать мог только то, к чему призван.

Приведу эпизод из воспоминаний самого начала монастырской жизни отца Иоанна, когда ярко явилась самостоятельность его суждений. Радостно и легко вошел он в дух и ритм жизни в монастыре. Осуществились мечты, и он – монах. Еще будучи в миру, отец Иоанн сознательно приучал себя к послушанию не только воле Промысла Божьего, но и людям, во главу же монашеской жизни и монашеского делания ставил беспрекословное послушание. Но вот в самом начале своей жизни в монастыре отец Иоанн был наказан отцом наместником Алипием именно за непослушание. Да еще такое непослушание, в котором он упорствовал. Ни уговоры, ни прещения не смогли изменить решения ослушника. Наказание последовало болезненно ощутимое.

Отец наместник отстранил иеромонаха Иоанна от всех монастырских дел и послушаний. *«Пусть только в трапезную ходит беспрепятственно»* – таков был вынесен вердикт. Что же за причина, по которой отец Иоанн изменял своему же правилу? В монастыре в то время духовником братии был старец отец Афиноген. Отец наместник, жалея его, решил освободить старца от такого хлопотного послушания, заменив его другим. Выбор его пал на отца Иоанна, сравнительно молодого и энергичного, явно имеющего дар рассуждения. Но вот тут-то и нашла коса на камень. Иеромонах отказался. Он был согласен помогать отцу Афиногену, но категорически воспротивился назначению.

Долго томился отец Иоанн в бездействии, пока сами обстоятельства не разрушили ситуацию. Поток паломников из Рязани, Касимова, Москвы, ищущих конкретно отца Иоанна (Крестьянкина), еще раз заставил батюшку стать

Батюшка еще в строю. 2004

ослушником, он не мог оставить приезжих без утешения. И не раз из окон наместничьих покоев раздавался тогда зычный голос: *«Куда это Иоанн пошел?»* Но голос теплел, из него постепенно исчезли сердитые и строгие интонации. И так сам собой завершился конфликт. А отец Иоанн позднее объяснил, что не мог при живом и так всеми любимом духовнике встать на его место. Из двух зол отец Иоанн, по его мнению, избрал меньшее – самому понести наказа-

В монастырском саду

192

У гостеприимного дома в Вярска

Пасха. У келейной плащаницы. 2004

193

ние, избавив от незаслуженных переживаний и волнений почтенного старца.

К тому времени, когда я стала свидетелем жизни отца Иоанна, мрачность и нервозность внешней обстановки отца Иоанна не касались. На вопрос: *«Батюшка, почему Вы всегда радостный?»* – ответ слышали: *«А как же, у меня каждый день Пасха»*. И дожив до девяносто шести лет, пройдя сквозь лихолетья двадцатого века, отец Иоанн засвидетельствовал причину своей радости и силы духа словами: *«У меня совесть чиста»*. В последнее десятилетие, в годы светлого вечера его жизни, когда для него стерлась грань между земным и небесным, приоткрылось инобытие отца Иоанна в ночное время. Будучи всегда собранным, отец Иоанн всячески скрывал касающиеся его духовные проявления и явления, чтобы никого не смутить, не дать повод к думам и разговорам о себе. Слова: *«Правда, я как все»*, – я слышала от него частенько. Когда же физические силы его поослабли, а с этим и контроль над собой, в ночное время стала приоткрываться его жизнь в другом измерении. Но об этом пусть расскажут дневниковые записи, сделанные мной непосредственно при жизни отца Иоанна.

29 декабря 2000 г.

Восстал от сна сияющий и на вопрос: *«Что случилось?»* – ответил, что все часы раннего утра был на пасхальной службе у нас в монастыре и пережил необыкновенное ликование пасхальной ночи, когда всеобщая радость охватила и небо, и землю, и людей.

28 февраля 2001 г.

(Записано со слов отца Иоанна.)

«Ночью в 4 часа остановилось время, и приступили ко мне со

Перед всенощной в келье

своими истязаниями мытники-бесы. Били они меня насмерть. Сколько времени я сопротивлялся им молитвой, не знаю. Время стояло на месте. На рассвете они отступили».

Батюшка весь этот день пролежал разбитый, ощущая последствия ночного нападения.

15 апреля 2001 г.

В храме Благовещения отец Иоанн с отцом Филаретом при закрытых дверях служили Пасхальную службу. Пели инок Олег и монах Максим. Молились духовные чада. Это была его последняя пасхальная служба в храме, которую он отслужил самостоятельно.

1 февраля 2002 г.

Случился проходящий инсульт. С часу до четырех отец Иоанн был без речи, которая вернулась к нему в момент появления в дверях келии доктора. Уста отца Иоанна вдруг отверзлись, и он произнес: «*А что у вас за переполох?*»

После болезни жизнь отца Иоанна сильно изменилась. Дневной режим оставался прежним, но явно определилась и стала видимой его потаенная ночная жизнь в трудах и молениях.

9 июня 2002 г.

Во сне он, часто воздевая руки, ясно и четко произносил возглас: «*Горе имеем сердца, имамы ко Господу. Благодарим Господа*».

15 декабря 2002 г.

Проснувшись, сказал, что ночь провел в Царстве Небесном. А днем несколько раз повторил: «*Кто после найденной истины доискивается еще чего-то, тот ищет лжи*». На вопрос о предсказании духоносных мужей о возрождении православия батюшка ответил: «*И возрождение, и упадок – всё во власти Божией, и Господь может вносить коррективы и изменения. Человечество же непосредственный соучастник в Его определениях о мире*».

26 августа 2003 г.

Ночью отец Иоанн воскликнул: «*Мир гибнет, мир гибнет, мир гибнет!*» – и это повторил трижды. Я подошла, и на мой вопрос он ответил: «*В Мирах Ликийских гибель, и Греция погибла*». На мои расспросы отвечать не стал.

5 сентября 2003 г.

Вечером перед сном просил прочитать ему чин исповеди. После прочтения он прочитал надо мной разрешительную молитву, а меня попросил покрестить его трижды по-матерински.

6 сентября 2003 г.

В три часа ночи отец Иоанн окликнул меня, и когда я подошла, сделал возглас сильным и бодрым голосом: «*Благословение Господне над Россией, над Святой Православной Церковью, над народом Божиим и над нами*». Это был скорее не возглас, а утверждение. Благословил рукой на все четыре стороны. Потом благословил меня и отпустил. Утром я спросила его какую службу он служил ночью, на что он скороговоркой ответил: «*Служил-служил*», – и перевел разговор на другое.

22 сентября 2003 г.

Ночью во сне полным голосом читал и пел акафист Матери Божией, а под утро громко закричал: «*Погибель, погибель! Спасайтесь!*» Проснувшись, попросил меня записать припев акафиста, который читал во сне ночью: «*Радуйся, Мати Божия, упование и спасение наше*».

28 сентября 2003 г.

Утром во сне вслух читал разрешительную молитву и кого-то благословлял, отпуская грехи: «*Прощаю и разрешаю все грехи твои во имя Отца, и Сына, и Святого Духа*».

8 июня 2004 г.

С утра отец Иоанн попросил достать ему Церковно-богословский словарь. Полистав его, он снова позвал меня с просьбой найти ему слово «*совесть*», чтобы сравнить усвоенное им с детства понятие этого слова и сравнить с богословским. Я поинтересовалась его понятием, и он ответил: «*Совесть – это Око Божие на сердце человека*».

11 июня 2004 г.

Среди ночи я проснулась от громкого разговора батюшки с кем-то. Он называл собеседника отцом Михаилом и говорил не старческим голосом, но бодрым и живым, как в то время, когда был в силе. Отец Иоанн задавал священнику вопросы, спрашивал о церковных делах, о семье и еще задавал всякие другие вопросы, касающиеся этого человека. Ответов я не слышала, посмотрела на часы, было 3 часа 30 минут. Вскоре отец Иоанн тепло попрощался с посетителем. Я подошла к его кровати, он тотчас открыл глаза и взволнованно спросил: «*А матушка-то, матушка где, позови ее*». На что я ответила, что матушка уже ушла вместе с отцом Михаилом. Посетовав, что с ней не поговорил, батюшка повернулся на бок и ушел в свою неведомую мне другую жизнь.

18 июня 2004 г.

Как обычно, рано утром я стала будить отца Иоанна, чтобы начать положенное утреннее правило, на что он активно воспротивился: «*Ну что ты, дай мне отдохнуть, я ведь только со службы пришел*». И я услышала, что он ночью служил божественную литургию.

11 сентября 2004 г.

Утро началось, как обычно, словами: «*Христос Воскресе!*», но после молитвенного правила и завтрака неожиданно отец Иоанн уснул и не пробуждался до трех часов. Пробудился радостный и одухотворенный и объявил, что все время провел в церкви. Удивлялся сам, как без провожатых поднялся по лестнице в Михайловский собор. На вопрос, служил ли сам, ответил, что только молился. И все восклицал:

«*Дивны дела Твои, Господи! Случившееся достойно описания*», – что я и сделала. Вид отца Иоанна напоминал былые дни, когда он возвращался в келью после служения литургии и причастия.

После обеда в тот же день сон его продолжился, но радость батюшки, померкнув, сменилась тревогой. Он никого в церкви не видел, и не было какой-то определенной службы, но отовсюду слышались одни вздохи и восклицания: «*Пресвятая, Владычица, Богородица! Пресвятая, Владычица, Богородица!*» Печать печали и тревоги проявлялась в отце Иоанне до конца дня, и только воскресная всенощная смягчила впечатления и отвлекла его от тревожных дум.

29 ноября 2004 г.

Ночью отец Иоанн вдохновлялся великим прокимном «*Кто Бог велий, яко Бог наш, Ты еси Бог, творяй чудеса*». Он начинал пение высоким мальчишеским фальцетом, но не выдерживал до конца и «*творяй чудеса*» уже пел старческой хрипотцой, кончал же пение совсем шепотом – «*един*». Замолкал. На время во что-то вслушивался и начинал снова свое соло высоко и вдохновенно, пока силы не покидали его. Заканчивал же пение полностью шепотком.

2 декабря 2004 г.

Всю ночь батюшка молился вслух. Я не нарушала своим присутствием его бдения. Но в 4 часа ночи он позвал меня и попросил с ним пободрствовать. На мой вопрос, зачем, ответил, что мне будет тяжело прийти к нему, когда он уже отойдет. Я спросила: «*Разве Вы получили об этом извещение?*» Он уклончиво сказал, что реку жизни своей он уже переплыл, и это нынче увидел определенно. Попросил озаботиться, чтобы

ему нынче же причаститься. *«А на праздник, если доживем, еще причастимся».* Отец Таврион принес Дары, и отец Филарет рано утром причастил батюшку.

18 декабря 2004 г.

Утром вдруг меня спросил: *«А мне никуда не надо являться?» – «А куда?»* – поинтересовалась я. – *«Да в органы. Как-то Иван Михайлович там поживает?»* На мой вопрос: *«Кто такой Иван Михайлович?»* – ответил: *«Да Жулидов же – первый следователь, который вел мое дело».* А дальше пошли воспоминания о том времени и о следователе. И сам себе батюшка задал вопрос: *«Да, жив ли он?»* – и тут же поспешно и утвердительно ответил: *«Жив, жив, только очень старенький».* На вопрос, хотел бы батюшка встретиться с ним сейчас, ответил: *«Нет-нет, Боже, упаси. А вот альбом-то “Встреча со старцем” я бы ему послал, извещая, что я-то, его пациент, все еще жив».*

Вечером была в келье служба под святителя Николая, по окончании которой опять начались воспоминания, у кого какие были личные отношения в жизни со святителем. Батюшка вспомнил трагическую историю, когда в войну его двоюродному брату, отставшему от воинского эшелона, и ему самому угрожала смерть, и как генерал по имени Николай, посидев пред образом святителя Николая, стоящим на столе в комнате Вани Крестьянкина, своей властью отменил реальную угрозу, милостиво продлив жизнь обоим, и еще спас их от голодной смерти, выдав карточки на воинский паек.

25 декабря 2004 г.

В час ночи вдруг раздался голос отца Иоанна. Он со всей возможной для него силой во весь голос пел стихиру:

Поздравление с днем ангела. 2004

«Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небеси, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити!» Старательно он выводил мелодию, акцентируя на словах «чистым сердцем тебе славити». Допев до конца, он начинал снова ее же с тем же воодушевлением. Я долго слушала и ждала окончания ночного концерта, но пение затянулось. Подойдя к кровати батюшки с намерением прервать или хотя бы утишить пение, увидела, что он спал и во сне пел пасхальную заутреню.

5 февраля 2005 г.

По окончании утреннего правила, еще сидя за столом, батюшка вдруг мгновенно побелел и покрылся холодным потом, так что и подрясник на спине сразу промок. Мы положили его на кровать. Из состояния полной расслабленности его вывел мой вопрос: «Что же, батюшка, Вы умирать собрались?» Тень сознания скользнула по его лицу, и он едва слышно произнес: «Нет, нет, еще немного проживу». Ровно год, день в день, оставался до его рождения в Жизнь Вечную.

29 ноября 2005 г.

В два часа дня в келье были медсестра монастыря Люба Глазырина и я. Каждая занималась своим делом. Вдруг неожиданно для нас батюшка в некоем восторге запел: «Исаие, ликуй, Дева име во чреве и роди Сына Эмануила...» Он допел до конца и повторил пение несколько раз. Люба, будучи певчей, стала петь с ним. Потом воцарилась благоговейная тишина, а через какое-то время отец Иоанн тихо произнес: «Приходила!» Мы с Любой в один голос спросили: «Кто приходил?» – «Царица Небесная приходила!» – был ответ, и батюшка замолчал до следующего дня.

С 30 на 31 декабря, ночью, в 3 часа 30 минут

Отец Иоанн твердым голосом произнес: «Я умираю». В келье в это время находились я и доктор, который тотчас и подтвердил истинность этого откровения. Я начала читать отходную. Батюшка лежал без движения, с мертвенно бледным лицом. До утра он дожил, и я побежала к духовнику. Весть о состоянии отца Иоанна мгновенно облетела монастырь. И в келью собрались монашествующие, под чтение отходной начали прощаться. После обеда все снова собрались у постели умирающего. Певчие запели канон святой Пасхи, и призыв к жизни прозвучал в возгласе «Христос Воскресе!». Отец Иоанн сделал попытку приподнять руку, но она не повиновалась, он чуть слышно и сбивчиво прошептал: «Воистину Воскресе!» На повторный возглас «Христос Воскресе!» он все же смог припод-

нять руку и сделал попытку перекреститься, и уже более отчетливо произнес: *«Воистину Воскресе!»* В этот момент светлая тень пробежала по его лицу, и оно засветилось изнутри розовым ровным светом. На третий возглас *«Христос Воскресе!»* батюшка ответил своим обычным жизнеутверждающим голосом и твердо перекрестился. Умирание отложилось ровно на сорок дней.

Позднее я задала отцу Иоанну вопрос, какие праздники мы еще встретим, и он не задумываясь тотчас ответил: *«Рождество, Крещение, а потом...»* и замолчал.

Глас Божий, нам данный через отца Иоанна за семь лет до его кончины 22/4 декабря и 23/5 декабря 1999 года

«Стой и смотри, что Я допустил для вашего вразумления без внезапной кончины людей. Виновных не ищите, виновных не ищите! Молитесь! Будьте в жизни всегда и во всем осторожны».

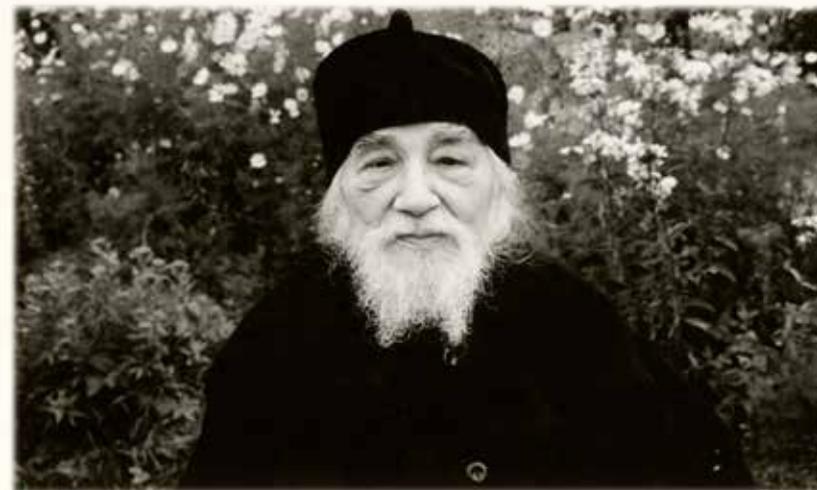
В эти дни отец Иоанн удостоился Небесного посещения. Что видел, осталось тайной, но сказанное ему записал своей рукой, указав точные даты и время видения, поставил под написанным и свою подпись.

Понедельник, 22/4 дек. 11 ч. 45 м. дня

«Стой и смотри, что Я допустил для вашего вразумления без внезапной кончины людей. Виновных не ищите, виновных не ищите! Молитесь! Будьте в жизни всегда и во всем осторожны». А. И-н.

Вторник, 23/5 дек. 11 ч. 45 м. дня

Текст повторяет слово в слово то, что было сказано днем раньше.

Прощание с Вярска. 2003

Из написанного явствует, что отцу Иоанну было доверено видеть тайну жизни нашего времени и сказаны слова наставления для живущих.

Четверть века дал мне Бог видеть реальное чудо в нашем времени – Божьего человека, сказавшего о себе и засвидетельствовавшего самой жизнью правду этих слов: *«Здесь в моем сердце Бог, в моем сердце Небо, в моем сердце Любовь, в моем сердце Мир».*

И как заветы отца Иоанна сейчас живут и звучат в сердце моем, многие его слова, сказанные им за эти годы и мне, и другим, а главное:

«Живи так, чтобы в сердце и в уме твоём всегда был Бог!»

